

СМЕНА 22 00

Детский фонд. Что сделано?

Под звон фанфар. Разговор о комсомоле

Экономика и нравственность. Полемика

Варлам Шаламов. Из «Колымских тетрадей»

Нужна ли милиция нравов? Фотоочерк

ЭТО — АВТОКРОСС
(Читайте стр. 20—21.)

Альберт ЛИХАНОВ, писатель, председатель правления Советского детского фонда имени В. И. Ленина

ВЫБШРАЮ Д

Прошел год со дня учредительной конференции Советского детского фонда имени В. И. Ленина. Что удалось сделать за этот период? С таким вопросом мы обратились к председателю правления Советского детского фонда имени В. И. Ленина.

Подступ к 1987 году, поворотному в моей жизни, был многолетним и непростым, хотя в общем и неотступным. Волею судеб, а может быть, постоянством своей писательской темы, радостью о растущем человеке, я всегда старался разобраться в причинах одиночества человека. Природа его может быть различной — физической и духовной, ведь можно быть одиноким и в толпе любвеобильной родни. А наиболее незащищенным перед этой страшной бедой — одиночеством — оказываются слабые мира сего — дети и старики. Об этом я писал книги, статьи, говорил с трибун писательских, комсомольских, педагогических. Слово писательское возвращалось ко мне письмами, откликами, исповедями, но самыми пронзительными были исповеди детей с трудной, подчас трагической судьбой. И с течением времени мной все глубже овладевали два чувства — чувство сострадания, многие годы признававшееся стыдным, и чувство неисполненного долга и ответственности за несложившиеся судьбы малолетних наших сограждан. Мне казалось, кроме книг, выступлений, необходимо сделать еще что-то важное в этой жизни, от призывов к умягчению нравов перейти к делам абсолютно конкретным, земным. Так родилась идея воссоздать детский фонд имени Ленина, учрежденный еще в 1924 году, но, к сожалению, закрытый в 1938-м. А вместе с фондом воссоздать и одну из гуманнейших общественных традиций нашего народа — всеобщее участие в защите детства.

И вот уже год наш детский фонд действует. Много ли нами сделано за это время? Не мне быть судьей. Подчеркну лишь одно. Между словом и делом — дистанция немалого размера, ибо слово принадлежит одним, а дело, даже самое простое, творится в соавторстве с другими людьми. И часто — а на практике почти всегда! — солидарности противостоят несовершенство средств и возможностей, множество неурядиц — организационных и психологических.

Как было бы хорошо: придумал, обсудил с людьми или инстанциями, нажал кнопку — и... появились умельцы-строители, умельцы-ученые, умельцы-врачи, умельцы-воспитатели, вы им — задание, срок, чек в конце концов, и, глядишь, через год, от силы — второй, вам предъявляют общественную идею, реализованную в санатории для маленьких инвалидов или долгожданно возро-

жденную науку о ребенке, сданные по всем законам совершенства «под ключ», — идите, люди, пользуйтесь на здоровье.

Пока что такие возможности для нас мечта. Нам же в работе до седьмого пота приходится преодолевать порошки разной высоты, петлять по лабиринтам ведомственных инструкций и устаревших нормативных актов, сражаться с бюрократическими проволочками, а еще — и это самое несправедливое! — испытывать на себе завистливые уколы, нередко злобную некаленифицированность комментаторов со стороны. Но кто-то ведь должен принять на себя эту нелегкую ношу. И хорошо бы на защиту детства встать всем миром, всем сообща — от министра до рабочего, а не одному лишь, пусть и общественному, формированию — детскому фонду.

Не считите это за жалобу. Речь о другом: сможет ли детский фонд, даже объединившись с кем-то, даже вооруженный новой законностью, полностью сломать отлаженные механизмы, образующие отстойники детской беды, своего рода канализационную систему для сброса... людских судеб?

Вопрос ко всем. Так давайте вместе и обсудим его.

Приоритеты детского фонда определены на учредительных конференциях. Их поддержал народ.

Начну с проблемы детских интернатных учреждений, точнее, с состояния детства в них. Вот Дом ребенка. Как живет здесь малышу? Одна пара воспитательских рук на 20 ребятшек. Сделайте нехитрую арифметическую операцию. Сколько времени на обиход каждого из них приходится? И перепеленать, и накормить, и «поагукасть», и сказку рассказать? Не из-за отсутствия ли с первых дней жизни материнской ласки, радости общения, без которых нормальное развитие малыша невозможно, зарождаются «пятна» в его интеллекте? Теперь помножьте эту беду на 35 тысяч таких ребят. Медико-психологические исследования показали, что почти у 90 процентов детей, воспитывающихся в этих учреждениях, отмечается задержка психомоторного развития. Картина не просто безрадостная — трагическая. Вот почему самым первым шагом фонда стало выделение средств на разукрупнение групп в домах ребенка вдвое. Содержание почти 2 тысяч дополнительных воспитателей взяли мы на себя. Продолжим мы эту работу и в будущем году. А вот с 1990 года такую заботу — и навсегда — возьмет на себя государство. Так реализуется один из принципов деятельности детского фонда — не подменять государство в решении проблем защиты детства. Да и не сможет фонд поднять такую тяжесть только своими силами. Но помочь государству — наша обязанность и право, данные народом.

Попробуем еще раз оглянуться вокруг. Много ли детских домов, школ-интернатов для сирот расположено

в удобных городских районах? Увы, дислокация их вполне соответствует поговорке: «С глаз долой — из сердца вон». И не о материальных трудностях идет разговор, хотя они есть, и немалые, а о дефиците общественного внимания. Подсчитайте, как часто детдомовцы по своему желанию посещают театр, футбол, престижные концерты, кинофильмы, спортивные секции, дома пионеров? Разовые акции и благотворительные кампании, причем масштабные — всех сразу, и младших, и старших, на один спектакль, в один лагерь — таков обычный прием. Сделал дело — гуляй смело. И гуляем, не замечая тоскливых глаз, смотрящих из-за забора на «чужую» жизнь.

Раздвинуть границы детдомовского мира, помочь им вырваться из удручающе монотонного существования — таким желанием было продиктовано второе решение фонда: подарить каждому детскому дому, сиротскому интернату, Дому ребенка автомобильный транспорт. 230 автобусов, микроавтобусов и грузовых машин уже стали достоянием детских интернатных учреждений. Сумеем ли довести это дело до конца? Уверен, да. И не только за счет фонда. В трудовых коллективах ведущих автозаводов родилась прекрасная инициатива — передача таким учреждениям сверхплановых автомобилей. Надеемся, что это станет традицией. Не ограничивается, естественно, наша помощь детским домам «автомобильным бумом». Около 50 тысяч экземпляров детских книг уже получили в подарок от Народного книжного банка воспитанники интернатных учреждений.

Близко к сердцу приняли беды нынешнего сиротства представители творческой интеллигенции. Известные мастера изобразительного и декоративно-прикладного искусства безвозмездно передают в детский фонд свои произведения, поступающие в картинную галерею фонда. Часть этих произведений мы направляем в детские дома и школы-интернаты, часть используем для проведения выставок-продаж и аукционов.

Однако все это лишь частности. За год нашего существования коренной перелом к лучшему в «сиротской» системе еще не наступил. Наверное, это объяснимо. Десятилетия запустения за год не поправишь. Да, ясное дело, не один фонд это сделать должен.

Слабы кадры в детских домах — лишь 40 процентов с высшим образованием, да и одно лишь образование погоды не сделает. Педагогика детского дома не подкреплена наукой — это делает Институт детства Академии педагогических наук СССР и детского фонда, который еще только надо организовать. По-прежнему мы получаем много свидетельств о воровстве в детских домах, о надругательствах над воспитанниками — физических и моральных. Радоваться вроде пока нечему. И все же дело стонулось с мертвой точки. То в одной, то в другой газете мы читаем сообщения: люди такого-то завода, ин-

ститута, совхоза пришли в детский дом, дом ребенка, школу-интернат, починили здание, ходили вместе с ребятами в театр, передали им свою премию.

Понимаю: это лишь первый импульс. Главное, чтобы он не остыл, не угас, превратился в постоянную человеческую заботу. И все же импульс, первое человеческое движение дорогого стоят. Детский фонд — это и есть помощь одних, сильных, другим, слабым. А вовсе не еще одна центральная или местная система, которая «все решит». Так что главная наша цель — соорганизация, со-действие, действенное, выраженное в поступке, со-страдание.

Что же касается материально-технической стороны сиротского существования, то все «дыры» детский фонд залатать не сможет. Ведь более половины интернатных учреждений нуждается в немедленной реконструкции, а пока на каждого воспитанника в среднем приходится не более двух квадратных метров площади. Широкий комплекс неотложных мер по улучшению работы с детьми-сиротами предусмотрен известным постановлением партии и правительства. Жаль только, что не все, кому это поручено, торопятся их осуществлять. Но это отдельный, большой разговор. И мы готовимся к нему серьезно.

Я о другом. Каким бы фешенебельным ни был детдом, он никогда не заменит ребенку семью, как никогда не компенсировать служебными обязанностями воспитателя то, что не сделано сердцем родителей. В том-то и состоит многотрудность, сложность детского дома и решительное отличие его от всех остальных педагогических систем, что здесь ребенка надо не просто воспитывать, а очень бережно, терпеливо, каждодневно возвращать ему веру в нас, взрослых, ведь житейский опыт здешней малышки такой горечи и печали, чего многим из нас за всю жизнь не испытать.

Как компенсировать такие нравственные утраты, как вернуть ребенку надежду на нас?

Фонд настойчиво боролся за создание принципиально нового типа детского дома, который бы, оставаясь все-таки государственным учреждением, давал возможность детям-сиротам испытать благотворное влияние семьи, теплоты, человечности общения, взаимных забот. Искали варианты, изучали отечественный и зарубежный опыт, пропагандировали и научно обосновали такой подход к социальной защите детей-сирот и, что особенно важно, нашли тысячи единомышленников, энтузиастов, желающих создавать и работать в таких детских домах. Усилия эти воплотились в постановление Совета Министров СССР о детских домах семейного типа. Предстоит главное. Строить эти дома, целые городки. Создавать концепцию их жизни. Определить правовую статус такой новой профессии — «родитель-воспитатель», не допустить ошибки при подборе людей.

Одобрено предложение фонда о вы-

ДЕТСТВО

вора уж о климатических условиях, о тяжелых условиях работы беременных женщин на хлопковых полях и табачных плантациях. Беспощадное отношение к матери ее близких (некоторые рожают по два раза в год!) кровнородственные браки вызывают много различных заболеваний, генетические отклонения, появление ослабленных детей.

Именно сюда мы высадили наш крупный медицинский десант. Оправдал ли он себя? Безусловно. В мире нет ценностей дороже детской жизни. На несколько промилле снизилась шкала этой общенациональной трагедии. Десант детского фонда сохранил жизнь тысячам своих юных сограждан.

ском и нравственном здоровье — основа вложений народных денег.

Но есть и немало других этически важных проблем, в решении которых фонд не участвовать не может. Безнравственным это было бы.

Особая наша боль и горечь — дети-инвалиды. Не секрет, что детство не избавлено от тех же страданий, какие переносит наш взрослый мир. Только в детстве все переживается пронзительнее, больнее и потребность в нашем человеческом участии, нашей помощи острее. Но что мы знали об этой беде до недавнего времени? Разве думали о том, что только детей, больных церебральным параличом, у нас в стране почти 400 тысяч? А что мы сделали для них? Пока очень и очень мало. Ведь, не зная, нельзя сочувствовать, а в конечном счете нельзя помочь. Мы же спрятали своих инвалидов, не видим их на улицах, в кафе, кино- и театральных залах, на концертах и в музеях. Часть из них мы «упекли» в специальные школы-интернаты, остальные живут в семьях, зачастую один на один со своим одиночеством и трагедией.

Во многих странах мира на перекрестках уложены специальные бетонные плиты со скосами. Инвалид на коляске легко может пересечь такой перекресток. Эти пандусы есть и в общественных зданиях, они закладываются в проект. У нас же такого рода технические нормы применяются и действуют только в Таллине. Кстати, там же живет группа молодых инициативных людей, которые сейчас организуют специальный центр помощи детям-инвалидам. Больше того, в Таллине создан наш кооператив, который будет выпускать оборудование для таких детей — начиная с костылей и заканчивая специальной техникой, может быть, даже и колясками. Скажу кратко: одно из важных дел нашего фонда — добиться того, чтобы ребенок-инвалид перестал быть «человеком-невидимкой», стал равноправным членом нашего общества. Я бы даже слово «инвалид» отменил. Это человек, требующий особого внимания.

Уже несколько лет я переписываюсь с кооперативным товариществом молодых инвалидов «Искра». Они объединились во имя того, чтобы поддержать морально друг друга. Они собирают рубли из своих скудных пенсий, чтобы иметь в запасе дефицитное лекарство, которое можно послать нуждающемуся деревенскому пареньку. У них есть своя библиотека, где собраны книги о мужестве, они посылают их друг другу. Ребята выпускают свой машинописный журнал со статьями из периодики о мужестве, пускают по кругу эти несколько экземпляров, чтобы, читая, не теряли духа их товарищи...

И мы очень основательно будем заниматься проблемой детской инвалидности. Фонд собирается построить несколько санаториев для маленьких инвалидов. Мы ведем переговоры с зарубежными фирмами и советскими организациями о строительстве таких санаториев — как совместных предприятий — на самом современном уровне. Не хочу сейчас предвосхищать всего, что будем делать. Лучше сделать, а потом сказать. Слишком много обещаний давали мы нашим детям в прежние времена.

И еще об одном. К стыду нашему, на задворках общественного внимания до недавней поры оставались те, чье детство просто не состоялось. Я имею в виду бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Кто должен позаботиться о них, о восстановлении социальной справедливости к жертвам фашизма — детям? Или, скажем, об адаптации малолетних правонарушителей? Или о судьбах детей, чьи родители погибли, выпоняя свой служебный долг, либо стали жертвами трагедии Чернобыля, морских, железнодорож-

Отец и сын.

пуске специальных благотворительных билетов. Мы рассматриваем этот билет как своеобразный «кирпичик», который каждый человек может вложить в строительство таких домов и целых детских городков. Безусловно, это не единственная форма участия народа в оказании помощи в строительстве и содержании детских домов семейного типа. В фонд поступает много предложений о проведении вещевой лотереи, средства от которой будут использованы на благотворительные цели. Материальным обеспечением лотереи могла бы стать, на наш взгляд, сверхплановая продукция автозаводцев, коллективов предприятий министерств электронной и радиопромышленности, других ведомств, выпускающих товары народного потребления, произведения наших верных друзей — художников и мастеров декоративно-прикладного искусства, переданные Советскому детскому фонду для этих целей. Словом, мы работаем над тем, как это сделать лучше, ждем предложений от наших сторонников и активистов, всех тех, кому небез-

различна судьба детей, лишенных семьи.

Скажу и еще об одной акции детского фонда — нашем участии в борьбе с детской смертностью. Тяжелейшую беду — высокий уровень детской смертности (по этому печальному показателю наша страна держит едва ли не первое место в мире среди развитых стран) — авторы многочисленных писем и обращений в фонд справедливо расценивают как явный признак социальной несправедливости и отсталости, свидетельство и следствие долговременной «политики экономии» на охране материнства и детства. Пик такой экономии, соединенной с другими социальными и культурными бедами, пришелся на республику Средней Азии и Казахстан. Здесь общесоюзные проблемы — слабая в большинстве своем материально-техническая база детского здравоохранения, острый дефицит лекарств, медицинского оборудования — длительное время усугублялись низкой санитарной и социальной культурой и национально-религиозными предрассудками. Не го-

Но мы пойдем дальше. Уже сейчас мы получаем массу предложений о расширении сферы действий и десантов, и специальных доверенных врачей детского фонда, включить в «зону риска» многие территории Российской Федерации. Кроме того, мы активно содействуем процессу передачи зданий упраздненных министерств и ведомств, бывших особняков и зон отдыха «высоких гостей» под региональные центры охраны здоровья детей, санатории для маленьких инвалидов. Один из таких дворцов мы получили, например, в Баку. Планируем создать Всесоюзный центр детского здоровья, Институт детской неврологии и психиатрии. Вплотную приступили к созданию Всесоюзной ассоциации «Семья и здоровье». В общем, мы убеждены, что сохранение детской жизни не может быть только задачей медиков. Это забота народа.

Я привел лишь три примера крупных, долговременных, социально важных, на наш взгляд, акций и инициатив детского фонда, чтобы еще раз трижды подчеркнуть: забота о детстве, его физиче-

МЫ ПЬЕМ ПО ТЕРПЕНЫЮ

Размышления бывшего бюрократа

Анатолий БЛЮДИН,
кандидат философских наук

Десять застойных лет я был тем, кого так страстно обличают сегодня, — «комсомольским аппаратчиком», одним из «винтиков» административно-командного механизма. Тогда, в апреле 1970 года, когда из комитета комсомола политехнического института меня выдвинули на работу в Ульяновский обком ВЛКСМ, я не мог предположить, что через пятнадцать лет автоматически буду зачислен временем в так называемую **бюрократию**, а на XX съезде комсомола о нас скажут приговорной строкой: «Ничто не нанесло большего ущерба авторитету комсомола, чем перерождение части комсомольских кадров». Велик соблазн ухватиться за спасительное «часть кадров», уговорить себя, что это про других, что сам-то ты устоял...

А начинались семидесятые на ноте искренне высокой и торжественной. Страна отмечала 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. Лейтмотивом праздничной атмосферы была мысль о торжестве ленинских идей. Для большинства из моего поколения это воспринималось без всякой натяжки. Короткий, очищающий всплеск общественной активности 60-х годов дал свои оптимистические результаты. В Ульяновске за пять лет создали ленинскую мемориальную зону. Город молодец — сносились последние бараки, на их месте вставали микрорайоны высотных многоэтажек, строились новые фабрики и заводы. В соседних областях набирали полную мощь автомобильные гиганты. И везде слышался звонкий голос комсомола. На Всесоюзные стройки каждый год отправлялись ударные отряды. Их провожали митингами, красным вокзальным кумачом, песнями. Печать оповещала нас о новых победах и настойчиво внушала мысль о том, что все достигнутое связано с именем «выдающегося деятеля современной эпохи Л. И. Брежнева...».

Когда-то К. Маркс весьма тонко подметил одну особенность: исторические события и личности повторяются: «первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса». Так и произошло. Если живущие в тридцатые — сороковые в массе своей искренно верили, что именно Сталин своей мудростью обеспечил строительство социализма (и эта вера стала личной трагедией миллионов), то в семидесятые вряд ли кто-либо, обладая просто здравым смыслом, продолжал верить в «сверхпрозорливую мудрость» Л. И. Брежнева. Да и как в это можно было поверить, если в повседневной жизни миллионы людей видели вокруг себя то, что противостоит духу социализма, — коррупцию, протекционизм, пьянство, халтуру? И все это под туманной завесой изошренной социальной демагогии.

Вера рушилась. Считать, что в атмосфере безверия только усилиями комсомола можно было защитить социалистические идеалы в сознании молодых, — наивно. Но тогда ни я, ни большинство моих коллег так не считали. Мы еще верили, что ведем молодежь за собой. С трудом, но обеспечивали приток пополнения в комсомол, упорно вели каждодневную заведомо проигранную «войну» с тысячами выбывших и не ставших на учет; выполнялись проценты охваченных, включенных, участвующих... Вот это «с трудом» и становилось самым сильнодействующим лекарством, помогавшим прозрению.

Умеющий и желающий видеть и слы-

шать невольно задумывался о происходящем. Но начиная мыслить критически, ответов чаще всего не находил. Объективно мы и не могли найти эти ответы. Собственных знаний не хватало, теория не спешила срывать покровы с «тайн» внутрисоюзных, политико-правовых, идеологических изъянов комсомола. Ну, а у старших товарищей, наставников из партийных комитетов не было возможности заниматься молодежью. Три года я избирался кандидатом в члены бюро Ульяновского обкома КПСС и видел, как сложно было сводить концы с концами в разрушающемся экономическом механизме. Хозяйственные вопросы «выжимали» всю энергию. А на пленумах, активах, семинарах нескончаемо обсуждались задачи, «вытекающие» из книг, речей, выступлений Л. И. Брежнева... Так что в своем осознании кризиса комсомольские работники остались наедине с собой.

Свое избрание в комсомольские органы я воспринимал как доверие партии. Перед пленумами райкома, обкома ВЛКСМ со мной беседовали партийные работники, они же потом и предлагали мою (единственную) кандидатуру на выборах. К тридцати годам я уже прочно усвоил, что формула «Есть мнение» — всесильна. Б. Н. Пастухов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ в те годы, окончательно убедил меня в этом. Перед пленумом обкома он в личной беседе откровенно заявил, что в Секретариате ЦК моя кандидатура на должность первого секретаря обкома ВЛКСМ воспринята без восторга, но после короткой паузы добавил, что мнение Ульяновского обкома партии не будет оспариваться.

Не знаю, почему в ЦК комсомола без особого желания утверждали меня на новую должность, но это в принципе не имело большого значения: решали не там, а здесь, на месте, в аппарате обкома партии. Комсомольское слово и тут было вторичным.

Процедура «собеседования» в те годы относилась к разряду исторически сложившихся неписаных правил. По своей сути, она была «технологическим» моментом партийного руководства комсомола. Каждый год тысячи инженеров, агрономов, учителей становились комсомольскими работниками. Что потом, после комсомольской работы ожидало их? Практика предшественников подсказывала, что подавляющая часть выдвигалась на должности, входящие в номенклатуру партийных органов.

Следовательно, начало и конец комсомольской работы «отмерялись» в партийных комитетах. Конечно, при этом учитывалось, как ты работаешь с молодежью, но фактически решение принимал партийный комитет. Тысячекратные призывы быть ближе к молодежи, жить в ее гуще оказывались бессильными перед очевидной истиной — твое будущее зависит не от мнения комсомольцев, а от партийных руководителей.

В наследство от своих предшественников мы получили негласный закон — табу на обсуждение проблемы партийного руководства комсомолом. Эта тема могла обсуждаться в комсомольской теории только в положительном аспекте, а на практике понималась как возможность просить что-то в партийных органах.

Сегодня кто-то может задать нам вполне резонные вопросы: почему мы не воспользовались своими уставными правами членов партии и не предупредили партию о серьезных бедах комсомола? Почему вместо этого с трибуны комсомольских пленумов (от ЦК до райкома) мы бодро произносили слова-заклинания о том, что молодежь, комсомольцы «каждым прожитым днем, каж-

ных катастроф? Наверное, и мы, фонд. Что-то у нас уже выстраивается. Так, например, создан Союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей, активно действует его совет. Но много дел впереди.

Год практической работы детского фонда не только подтвердил правильность выбранных приоритетов, но и сделал многие болевые точки детства яснее, четче, выявил немало новых задач — неотложных и перспективных. Одна из них — создание Института детства Академии педагогических наук и Советского детского фонда. По нашему глубокому убеждению, Институт детства должен стать многоцелевым научным учреждением, комплексом «НИИ — вуз», где бы органично сочетались фундаментальные теоретические исследования и прикладные науки с функциями высшего учебного заведения, включая переподготовку педагогических кадров. Словом, высшая цель, которую преследует детский фонд, состоит в том, чтобы реализовать идею триединой защиты детства: медицинской, психолого-педагогической и правовой, чтобы выпускники института были не только исповедниками милосердия, наставниками детей, но и фактическими их опекунами и попечителями. Вполне возможно, что предоставление таких функций потребует изменения законодательства.

За каждым нашим шагом следят миллионы глаз. Люди смотрят телепередачи, читают газету «Семья», сопереживают и откликаются на полученную информацию. Почта фонда стала важным каналом обратной связи. Более восьми тысяч писем поступило к нам, в приемную фонда пришли три с половиной тысячи граждан. Кто-то просит помощи, кто-то предлагает ее, кто-то делится мыслями, кто-то требует вмешаться в конфликтную ситуацию, а кто-то просто нуждается в конкретном слове сочувствия.

Нам очень нелегко справляться с таким потоком писем и посетителей, тем более что живем мы в тесноте и обиде, в нескольких крохотных номерах гостиницы «Юность», но стараемся, чтобы ни одно письмо, ни одно заявление не осталось без ответа, просьба — без помощи.

Трудное это дело. Нередко письмо — это чьи-то многолетние хождения по мукам, и за помощью в детский фонд автор обращается как в последнюю инстанцию. Да и вопросы не из легких. Сумеет ли помочь, если все другие «инстанции» не смогли или отмахнулись? Ведь мы далеко не всемогущи. К тому же живем в условиях перевернутой этики. Обращаешься с просьбой помочь человеку к первому секретарю обкома партии, а отвечает тебе чуть ли не горкомхоз. Пишешь министру, отвечает зам. начальника главка. Вот так пока что относятся чинуши к детскому фонду, и это правда, товарищи, печальная, но реальность.

За строкой многих писем ощущается бездушное отношение к проблемам семьи, особенно многодетной. Просьбы о содействии в улучшении жилья, сохранении здоровья детей — в каждом пятом письме. Идеи семейного детского дома, требования об упрощении существующих инструкций по вопросам опеки и усыновления высказываются почти в половине писем. Такое единомыслие людей не может не радовать. Слушаются, конечно, и равнодушные, и злобные письма, но бог им судья. Я же хочу сказать спасибо всем, кто милосерден, добр, исполнен веры в то, что наше дело правое. Детство нуждается в нашей защите, в нашей помощи. Нужен конкретный адрес? Пойдите в любой детдом, интернат, Дом ребенка, детскую больницу, в многодетную семью. Загляните туда и увидите: везде нужны ваши руки, ваше сердце.

В одном я уверен: вместе у нас хватит сил решить любую проблему. Но только вместе, ибо мы выбрали Детство — этот беззащитный, слабосильный и еще не познанный мир.

дьям ударом сердца...» ответят на заботу партии и выполнят поставленную задачу? Только ли потому, что каждый хотел устроить свою карьеру? Только ли потому, что это хотели услышать отставшие от времени партийные руководители, сидящие в президиуме? Или это было проявлением массового затмения здравого смысла? Ответы на эти вопросы нельзя найти только в анализе событий 70-х годов, они имеют свои корни в далеком прошлом.

Когда я в конце своей комсомольской работы впервые прочитал резолюцию VI съезда РКП(б) «О союзах молодежи», мне стало страшно. «Вмешательство партии в организационное строительство рабочей молодежи не должно носить характера опеки над ней... партия... должна стремиться к тому, чтобы рабочая молодежь создала самостоятельные организации, организационно не подчиненные, а только духовно связанные с партией».

Задолго до нас большевистский принцип в отношениях между партией и комсомолом был предан забвению. О какой организационной самостоятельности ВЛКСМ можно было говорить в наше время, если любой вопрос своей жизни комсомол мог решить только при помощи старших!..

Жизнь постоянно учила комсомольского работника — без парткомов ничего не сделать. Существующая модель административно-командного управления с партийной поддержкой создавала лишь иллюзию воздействия на молодежь. И происходило это не по вине каких-то отдельных комсомольских или партийных руководителей — все это стало следствием несовершенства всей политической системы общественной жизни. Тезис «Комсомол — боевой помощник и резерв партии» стал означать то, что деятельность ВЛКСМ в абсолютной подчиненности реализации государственных задач. И только какую-то незначительную часть своей энергии комитеты ВЛКСМ могли направить на решение чисто молодежных проблем, отстаивая и защищая интересы молодежи.

Передо мной десять одинаково оформленных книг с лаконичным названием «Документы ЦК ВЛКСМ». В этих строчках сохранилась наша повседневная работа тех лет. Большинство постановлений начинается со слов: «О роли комсомольских организаций..., о повышении роли, о повышении ответственности...». В чем и за что? В развитии общественного животноводства, в проведении зимовки скота, уборки урожая, в борьбе за режим экономии, в развитии легкой промышленности... Комсомольские организации рассматривались лишь как средство решения хозяйственных задач.

В этих сборниках документов нет постановлений по вопросам жизни молодых рабочих, по социальной помощи молодой семье, по реализации повседневных жизненных интересов молодежи. Почему? Да потому, что к 70-м годам комсомол окончательно «перепутал» цели и средства своей работы. Да, он должен был быть на передовой линии хозяйственного строительства, но не как пожарная команда или бездумный агитатор, знающий единственный лозунг «Давай, давай!» — он должен был заботиться о жизни комсомольцев, строя тем самым фундамент своей воспитательной работы.

Предав же забвению жизненные интересы комсомольцев, комитеты ВЛКСМ не могли опереться на их инициативу и заинтересованность и, чтобы поддержать видимость своей «организационной мощи», вынуждены были взять на вооружение административно-командный механизм управления, защищенный не собственной силой, а политико-правовым авторитетом партии.

После чего был неизбежен и следующий шаг — в формах своей организационной и идеологической работы комсомол начал дублировать партию. Сложилась фактически одинаковая структура первичных организаций и выборных органов, мы стремились не отстать в количестве проведенных бюро, пленумов, собраний (и проводили их в точном подобию с партийными органами). Ну, а так как интеллектуальных сил, жизненного опыта у комсомольских вожakov было меньше, то все это неизбежно превращалось в формальность.

Молодежный союз все дальше и дальше отходил от ленинских заветов о собственном почине, инициативе, самостоятельном характере, о том, что каждое новое поколение будет идти к социализму своим путем.

В семидесятые годы комсомол своих путей не искал. Но многих комсомольских работников подобное развитие очень устраивало. Мысленно связав свою будущую жизнь с номенклатурой партийных органов, они объективно были заинтересованы в переносе методов партийной работы в молодежную организацию: это позволяло им уже здесь приобретать необходимые навыки и качества партийных, хозяйственных руководителей.

Пишу «они» и люблю себя на мысли, что сам был одним из «них», сам плыл по течению и думал: так, наверно, и должно быть...

Чуть ли не каждое второе решение ЦК принималось совместно с министерствами и ведомствами. Теоретически это обосновывалось как объединение усилий для работы с молодежью (постулат абсолютно верный!). Фактически же все обстояло иначе. Хозяйственные органы рассматривали социальные проблемы как нечто второстепенное, так же они относились и к молодежи. От совместных постановлений с ЦК ВЛКСМ их «отеческая забота» о молодежи не возростала. Но для комсомольских работников принятие подобных решений считалось очень престижным. Еще бы — они в своем сознании как бы автоматически зачислялись в разряд высоких «государственных мужей», влияющих на решение ответственных общественных задач! Как тут не закружиться голове от собственного величия! Ну, а в такой голове обыденная жизнь избравших тебя комсомольцев начинает восприниматься делом второстепенным. Так благие намерения следовать за партией, извращенные примитивизированным толкованием сути партийного руководства, вели к дальнейшему перерождению комсомольских кадров.

И все-таки была ли возможность предотвратить застой в комсомоле раньше, до апреля 1985 года? Чтобы, отвечая на этот вопрос, не угодить в плен догадок, иллюзий, попробую пояснить, как функционировал в те годы механизм внутрисююзной работы, то есть как применялись в жизни уставные нормы демократического централизма. Одна из них — безусловное выполнение решений вышестоящих органов, но, как это ни парадоксально, именно оно чаще всего и не выполнялось. И не в силу чьей-то личной недобросовестности или профессиональной некомпетентности. Многие постановления были изначально утопичны, объективно невыполнимы. Так, например, в реальных общественных условиях нельзя было убедить каждого молодого труженика иметь среднее образование, сдавать нормы ГТО, невозможно было решить проблемы сельской школы только шефством комсомола и т. д.

А в целом постановления было так много, что прочитывать их успевали только комсомольские работники, да и то не все, комсомольский же актив —

главный их исполнитель — вообще оставался в стороне от этой бумажной лавины. В итоге реальная комсомольская жизнь и всевозможные директивы стали существовать сами по себе. Но зато любой комсомольский работник попадал под своеобразный «колпак» потенциальной недисциплинированности. В любой день, по желанию вышестоящего функционера, он мог стать виновным за невыполнение очередного невыполняемого циркуляра. Более хитроумного способа деморализации кадров и не придумать! Вроде все по Уставу, фактически же полный произвол «верхов», защищенный нормой о безусловном выполнении решений вышестоящего органа. Добавим к этому, что в семидесятые годы фактически комсомолом руководили не выборные органы, а его аппарат, и станет понятным, почему на XX съезде говорилось о перерождении демократического централизма в централизм бюрократический.

В такой атмосфере любая попытка противостоять «решению сверху» была бессмысленной. Более того, она могла расцениваться как нарушение Устава ВЛКСМ со всеми вытекающими последствиями. Комсомольский работник вставал перед альтернативой: или «выбыть из игры», вернуться к работе по специальности (опять же с разрешения партийных органов), или же не нарушать «правила игры», сложившиеся задолго до 70-х годов, а следовательно, имитировать кипучую деятельность в борьбе за выполнение невыполнимого. Ну, а если заниматься этим не год, не два...

Вот теперь, вероятно, можно утвердительно сказать, что предотвратить застой до апреля 1985 года было невозможно. И не из-за того, что не было честных комсомольских работников (победить то, что было заложено в Уставе ВЛКСМ, невозможно индивидуальными усилиями). Не берусь отрицать необходимость норм демократического централизма, но глубоко убежден — его правило о безусловном выполнении решений вышестоящих органов чревато незаметным превращением в закон бюрократического централизма до той поры, пока не будет отработан механизм демократической выработки самих решений. А это «тянет» за собой необходимость в новом механизме отбора лиц, которые будут готовить проекты решений, новых процедур принятия решения. Без этого вся комсомольская организация не застрахована от тупики и кризисов, от необходимости выполнять любые, противоречащие ее же собственным интересам, решения. Без этого над каждым новым поколением комсомольских кадров будет висеть угроза попасть в неумолимые жернова очередного перерождения.

«В будущем, вероятно, кто-то напишет «Историю социальной лжи» — многотомную книгу, где все эти трусливые попытки самооправдания, собранные воедино, предстанут собой Араат бесстыдных усилий подавить очевидную, реальную истину грудами липкой, хитрой лжи. Мещане всегда соблазняются призрачной возможностью доказать себе и всему миру, что они ни в чем не виноваты». Это писал М. Горький в начале века. Вряд ли он предполагал, что в грядущей социалистической реальности нас, современных мещан, будет так много и мы по-прежнему, только теперь уже более изощренно, будем находить тысячи объективных причин в оправдание своего социально-духовного рабства. Да, причины для послушания были. Но под одним и тем же гнетом этих причин люди вели себя по-разному.

Первый секретарь Ленинского райкома ВЛКСМ Александр Корольков был самым «неудобным кадром»: чаще всех

критиковал работников аппарата обкома. Может быть, не всегда в приемлемых формах, недостаточно аргументированно, но, как показало время, по делу — за формализм, нереальность и непродуманность принимаемых решений. Чего же он добился? Механизм обкомовской жизни от этой критики не изменился, ну, а сам Александр заработал вечный ярлык «демагога». Его не сняли с работы, не объявляли выговором, его просто чаще, чем других, критиковали на совещаниях и пленумах... и прочно держали на одном месте. Коллеги шли «вверх», становились его начальниками, слали ему новые директивы, а он был бессилён что-то изменить.

Логичный вопрос: почему же я, в ту пору первый секретарь обкома ВЛКСМ, вида, что Корольков прав, не помогал ему? Но это теперь, спустя время, могу все оценить именно так, а тогда я сам был если не винтиком, то шестеренкой того могучего механизма, отторгнувшего Королькова. Где-то в глубине души я сознавал, что ему надо помогать, поддерживать, но в лучшем случае — лишь смягчал критику аппарата в его адрес и убеждал себя, что аппарат прав...

С абстрактно-этических позиций А. Королькову и ему подобным сегодня можно предъявить обвинение в том, что они свое мнение не смогли превратить в мнение большинства. Но те, кто знаком с механизмом внутрисююзной работы, знают, что организационных возможностей для этого практически не было. Решение, принятое большинством (пусть даже пассивным и равнодушным), критике не подлежит. Да и где критиковать обком секретарю райкома? На пленуме обкома? Здесь не всегда предостает слово. В областной газете? Она орган обкома и вправе решать, что печатать, что нет. Остается узкий круг рабочих совещаний, но там на одно твоё критическое замечание могут ответить десятком претензий за очередные невыполненные дела. При существующих уставных положениях меньшинство никогда не сможет побороться за свою точку зрения.

Такой организационный механизм изначально предполагает, что истина всегда, словно удар молнии, мгновенно озаряет большинство. В жизни не так. Новое всегда будет сначала осознаваться единицами. Если это новое, родившееся в сознании меньшинства, искусственно сдерживают, то приходится ждать, когда дела зайдут в тупик и элементарный здравый смысл большинства признает нецелесообразность старого.

Что проку в том, что прогрессивные идеи реабилитируются временем? Дело-то уже не поправишь. А те, кто боролся за новое, и те, кто противостоял ему, автоматически становятся в один ряд «коллективно прозревших», и попробуй теперь разберись, кто из них поборник прогресса. Те, кто в свое время держал А. Королькова на «коротком поводке», и сегодня стоят выше его по служебной лестнице и теперь учат его, как лучше и быстрее перестраиваться. Причем многие из них, подобно горьковским мещанам, свято верят, что лично они за эпоху застоя вины не несут, ведь они были в «большинстве».

Сегодня пресса активно обсуждает проблемы правовых и политических гарантий перестройки. Нужны такие гарантии и комсомолу. Горький опыт прошлого научил, что, защищая прогрессивное, нельзя уповать только на нравственную силу какой-то группы людей. Моральная стойкость оказывается небеспредельной, особенно когда ты в рядах «меньшинства» под незаметным, но каждодневным прессом тех, кто присвоил себе право выступать от имени большинства. Нужны новые, продолжающие линию XX съезда ВЛКСМ изменения в политико-правовых, уставных основах жизни комсомола.

Какие? Этот вопрос, на мой взгляд, должен стать предметом обсуждения.

Так рождается «Снежинка».

На обсуждение — пять минут. (В центре зам. бригадира Эсан Марунов)

Вроде могли бы перейти на полный хозрасчет уже в этом году, но знают, не готовы, понимают, что прежде, чем сделать рывок, необходимо подтянуть «тылы».

Ведь бригада сотнями нитей связана со всем заводским производством.

Можно, конечно, напитать конвейер для передового КМК необходимым количеством деталей, и технически оснастить, и обеспечить инженерной, экономической поддержкой,

только кому нужен такой вот «малый» хозрасчет?

Если только для отчета, для рапорта...

Ребята никогда не пойдут на это.

Невыгодно заводу, значит, невыгодно им...

**НЕ УНИЖАЙ
СЕБЯ**

Леонид КОСТИН,
Валерий ЛОКТЕВ

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

ПЛОХОЙ РАБОТОЙ

Конвейер дернулся, прошел еще метра два и остановился. Третий раз за неделю.

Не было защелок — маленькой пластмассовой детали. Из-за этого застыла работа бригады, смены — всего сборочного цеха. Тогда и решили: сколько можно ждать, уговаривать, не пора ли спросить с тех, кто делает эти защелки. Пусть они прямо скажут, сколько времени еще нервы мотать будут?!

Всей бригадой двинулись в цех пластмасс...

В одиннадцатой пятилетке Самаркандский завод холодильников — головное предприятие ПО «Электробытмаш» — успешно завалил план почти по всем показателям. О его продукции шутили: хочешь дыню высушить, покупай «Снежинку».

Сотни, тысячи холодильников покоились на заводском складе, в магазинах. Торговля отказывалась принимать их. Но в ту пору руководителей завода это особенно не беспокоило. Знали: «сверху» нажмут, торговля примет, куда не денется. «Телефонное право» действовало безотказно. Два раза в месяц рабочие расписывались в платежной ведомости, администрация получала премии, превышающие оклады, а те, кто не знал о «чудодейственных» свойствах «Снежинки», выкладывали двести с лишним рублей за брак.

Изредка завод критиковали. Наезжали комиссии. Но, видимо, повышенная температура узбекского гостеприимства вполне компенсировала отсутствие холода в морозильных камерах «Снежинки». Убытки благополучно списывались. И если бы самаркандцам в ту пору кто-то сказал, что всего через три-четыре года холодильники, сработанные здесь, в центре Средней Азии, станут дефицитом, престижной покупкой в Ленинграде и Варшаве, Кракове и Донецке, Хабаровске и Баку, его приняли бы, мягко говоря, за фантазера.

Это сейчас, оглядываясь на то время, мы иронизируем, но мастер Юнус-ака — на заводе он полтора десятка лет — сказал с горечью: «Стыдно было, я в махалле никому не говорил, где работаю. Мне бы в глаза аксакалы сказали — не унижай себя плохой работой...»

Уверены, стыдно было не одному Юнус-ака. Но в годы нравственной атрофии, процветания теневой экономики, когда хозяйственную, духовную жизнь республики определяли рашидовы и одиловы, а Самарканд вообще был зоной вне критики, большинству оставалось лишь уповать на то, что «стыд не дым, глаза не выест».

Какой счет? В нашу пользу!

Самаркандский базар... Разве минуешь его?!

Я ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

✉

Беда в том, что наш язык и культура находятся вне закона. Их надо конституционно узаконить. Имея такой закон, мы не дошли бы до того, что на Украине позакрывали украинские школы... В газетах «Правда», «Известия», в журналах специалисты толкуют о демократическом выборе. Что мы, родители, можем выбрать, если в городах нет школ с преподаванием на родном для наших детей языке? Я уже не говорю о тех украинцах, которые проживают в Ростовской, Белгородской, Воронежской, Амурской областях, Приморском крае...

Нам нужно дружно жить под одной крышей без дырок и течи. Как решать вопросы перестройки, не решив национальный вопрос? Мы отчетливо понимаем: язык — это нация. Нет языка — нация мертва.

В. ЗАХАРЕНКО,
молодой преподаватель
университета,
Харьков

✉

Возможно, мое письмо поможет в открытой дискуссии по теоретическим аспектам национального вопроса.

Для каких целей в нашем социалистическом обществе требуется определять национальность каждого человека? Для статистики? Но это делается при проведении переписей населения, причем обезличенно.

Что такое национальность человека? Принадлежность к нации, народности, этнической группе? В словарях, в том числе и в философском, даже в Большой Советской Энциклопедии, этого слова просто нет!

Как объективно определить национальность человека? По национальности родителей? Но национальность не биологическая (как раса), а историческая категория и, следовательно, по наследству не передается, а формируется в результате воспитания. По родному языку? Но он зачастую не совпадает с официальной национальностью. По паспорту я еврей, но ни слова не знаю ни на «иврите», ни на «идиш», ни на «жаргоне». Как поступает милиция при выдаче паспортов? Если родители одной нации — тут все понятно. Если разных — получатель паспорта выбирает сам. Если же национальность родителей неизвестна, то и в этом случае все решает желание молодого человека, его национальное самосознание. На мой взгляд, последний способ — единственно правильный для всех случаев.

Но в принципе зачем вообще указывать национальность в паспортах и других документах? М. Джунусов говорит, что «со временем... национальность из паспорта исчезнет. Пока к этому люди еще не готовы». Но осталось без ответа прямое предложение журналиста: «Национальность указывать по желанию человека». Ведь такой порядок соответствовал бы мнениям и тех, кто считает нужным оставить в паспорте национальность, и тех, кто так не считает, тем более что информацию о национальности человека запрещено исполь-

зовать для предоставления каких-либо привилегий или установлений ограничений. Для чего же такая информация нужна?

С искренним уважением,

ХАЗАНОВ Лев Ефимович,
Герой Социалистического Труда,
Москва

✉

С болью в душе откликаюсь на материал «Живя под одной крышей». Не спорю, в нем есть очень много правильного и важного. Но как понимать это: «Со временем, конечно же, национальность из паспорта исчезнет». Только человек, ненавидящий свою страну, свой народ, может пойти на упразднение национальности. Это своего рода репрессия по отношению к любому народу. Да каков вы имеете право об этом даже рассуждать? Ведь что получится? Исчезнет национальность — и ничего у человека не останется — ни культуры, ни жизни, ни нации, ни Родины! Вы понимаете — Родины! И как личность он не состоится!

Советский человек прежде всего является Гражданином своей республики, а уж потом — Гражданином СССР. А братство народов СССР — это братство национальностей, братство людей, имеющих свое лицо, свою культуру.

ПАРВОЯ,
студент, Ленинград

✉

Я чистокровный армянин. Учусь в русской школе. В нашем классе много ребят разных национальностей. Поверьте, мы дружны, хотя всякое бывает... В школе мы изучаем и русскую, и армянскую литературу. Скажу откровенно, у меня есть предрассудки по отношению к мусульманам, но я хочу искоренить их, ибо отлично знаю, что у любого народа есть и плохие, и хорошие представители. И из-за одного, допустим, идиота армянина, который где-то натворил дел, мне приходится краснеть. Но один армянин — это еще не Армения. А отчего бывают предрассудки?

Я лучше знаю историю города Веллингтона, чем, допустим, Риги или Кишинева. Мы проводим телемосты Москва — Лондон, Москва — Сياتл и т. д. Это, конечно, интересно. Но был ли когда-нибудь телемост между жителями Еревана и Москвы, Ленинграда и Ташкента? Странно звучит, правда? Нам кажется, что мы достаточно знаем друг друга, у нас одинаковые суждения о политике, говорим о братстве народов, а потом удивляемся, что в Алма-Ате беспорядки, в Сумганте убивали армян, в Ереване не работали предприятия...

Да что там говорить, когда в Новокузнецке один мальчик спросил меня: а у вас, армян, деньги такие же, как у нас?.. А пожилой человек вел беседу со стариками на лавочке и утверждал, что армяне — мусульмане...

В учебнике по истории очень мало написано о союзных республиках, об их истории, культуре. В прокате мало фильмов, сделанных на киностудиях союзных республик. В 8-м классе я вел дневник просмотренных фильмов. Из

28 советских фильмов был лишь один армянский — «Танго нашего детства». Кстати, 8-й класс я проучился на Кубани. Обидно, когда о моей нации понятия не имеют и называют нас грузинами. Какая, мол, нам разница: все кавказцы — грузины. Из-за этого часто соорился, дрался. Все было!

Каждый год 24 апреля армяне отмечают всеобщим трауром день геноцида 1915 года. ЦТ, пресса ни одним словом об этом не обмолвились, а вот о геноциде в Кампучии сообщалось многократно.

Карен АНКЕЗ,
Ереван

✉

Представьте, историю Азербайджана в системе ПТУ мы изучаем всего 36 часов. И никто не возмущается. Недоворенность в национальных отношениях раздражает. Претензии армянских граждан к нам имеют давнюю историю. Начиная с 40-х годов азербайджанцы, живущие на территории Армении, уезжают с родных земель. Об этих фактах молчат. Кому-то неудобно. Кому? Я не хочу поднимать дискуссию о том, что в национальных отношениях является самым важным. Хочу сказать одно: не надо проблемы одного народа решать за счет интересов другого. Это безнравственно.

Я не националист. В нашем роду есть армяне, евреи, русские и азербайджанцы. Мы как жили, так и будем жить — хорошо, мирно, с уважением друг к другу. Но скрывать историю нельзя. Нужна правда.

Аслан ШАФИЕВ,
преподаватель истории
СПТУ № 66,
Баку

✉

Важнейшее требование, которое предъявляется к освещению проблем межнациональных отношений, — это объективность, выверенность суждений и оценок. Подлинно научно освещению национальных процессов посвящено всякого рода натяжки и переделки, необоснованные суждения о слиянии наций и народностей, произвольное цитирование классиков марксизма-ленинизма, голословные рассуждения о мнимой русификации и дерусификации, о разгуле национализма. Как это ни печально, но именно этими качествами отличаются некоторые выступления и высказывания по проблемам национальных отношений. Читая их, можно прийти к выводу, что главная задача, которую ставят перед собой авторы, состоит в том, чтобы отыскать возможно большее количество недостатков и на этой основе вещать о невозможности решения тех или иных вопросов, возникающих в процессе совершенствования национальных отношений. Беседе корреспондента «Смены» с М. С. Джунусовым как раз чужда взятая критика, которая черпает свои доводы не в научном анализе национальных отношений, а в субъективном произволе, откровенной тенденциозности.

Несправедливое отношение к некоторым нациям и народностям тесно связано с культом личности Сталина, когда были попорчены элементарные права советских людей, клеймо предательства легло на целые народы. Но мы забываем порой, что простые труженники Узбекистана, Киргизии, Казахстана, куда были высланы крымские татары, чеченцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, не бросили их в постигшей беде. Так, например, узбеки делились с переселенцами кровом, помогали обзавестись хозяйством, т. е. приняли их в свою семью. В этой ситуации узбекский народ проявил подлинный интернационализм. Сегодня в республике работают известные писатели и поэты, ученые и педагоги, врачи и инженеры из числа крымских татар. Издаются журнал и газета на крымско-татарском языке, функционирует факультет крымско-татарской филологии при Ташкентском пединституте, большой вклад в развитие культуры вносит ансамбль «Хайтарма». Дружба простых труженников различных национальностей отменила и отменяет искусственные преграды, воздвигаемые между народами.

Именно демократизация, широкое развертывание гласности могут стать важным условием формирования интернационального сознания трудящихся, в особенности молодежи. Выработка культуры межнационального общения в условиях перестройки должна стать неотъемлемой качественной характеристикой процесса совершенствования национальных отношений, преодоления проявлений шовинизма, национального эгоизма и чванства. Порой те или иные перекосы в формировании партийного и государственного аппарата отражаются и на формировании культуры межнационального общения, на реализации отживших традиций и обычаев.

Совершенствование национальных отношений вызывает острую потребность в овладении русским языком. В ряде республик молодежь коренных национальностей все еще слабо владеет русским языком, что ослабляет потенциальные возможности формирования интернационалистского сознания. Затянулась перестройка подготовки учительских кадров, все еще не на уровне материальной база педагогических учебных заведений, большинство из которых, особенно в республиках Средней Азии, ютится в приспособленных помещениях. Слабое знание русского языка так или иначе ведет к национальной замкнутости.

Но надо отметить и то, что значительная часть русскоязычного населения республик Средней Азии пока еще не осознала необходимости овладения языком коренных национальностей, ибо долгое время считалось, что проблемы языковой жизни могут быть решены лишь на путях овладения русским языком. Поэтому русскоязычное население Узбекистана, например, не прилагало усилий для изучения национального языка.

Ш. Н. ЯКУБОВ,
зав. кафедрой
истории КПСС
Республиканского пединститута
русского языка и литературы,
Ташкент

ЖИТИЕ ИНЖЕНЕРА КИПРЕЕВА

Варлам ШАЛАМОВ

Много лет я думал, что смерть есть форма жизни, и, успокоенный зыбкостью суждения, я выработывал формулу активной защиты своего существования на горестной этой земле.

Я думал, что человек тогда может считать себя человеком, когда в любой момент всем своим телом чувствует, что он готов покончить с собой, готов вмешаться сам в собственное свое житие. Это сознание и дает волю на жизнь.

Я проверял себя — многократно — и, чувствуя силу на смерть, — оставался жить.

Много позже я понял, что я просто построил себе убежище, ушел от вопроса, ибо в момент решения я не буду таким, как сейчас, когда жизнь и смерть — волевая игра. Я ослабею, изменюсь, изменю себе. Я не стал думать о смерти, но почувствовал, что прежнее решение нуждается в каком-то другом ответе, что обещания самому себе, клятвы юности слишком наивны и очень условны.

В этом убедила меня история инженера Кипреева.

Я никого в жизни не предал, не продал. Но я не знаю, как бы держался, если бы меня били. Я прошел все свои следствия удачнейшим образом — без битья, без метода номер три. Мои следователи во всех моих следствиях не прикасались ко мне пальцем. Это случайно, не более. Я просто проходил следствие рано — в первой половине тридцать седьмого года, когда пытки еще не применялись.

Но инженер Кипреев был арестован в 1938 году, и вся грозная картина битья на следствии была ему известна. И он выдержал это битье, кинувшись на следователя, и, избитый, посажен в карцер. Но пункта подписи следствие легко добилось у Кипреева: его припугнули арестом жены, и Кипреев «подписал».

Вот этот страшный нравственный удар Кипреев пронес сквозь всю жизнь. Немало в жизни арестантской есть унижений, растлений. В дневниках людей освободительного движения России есть страшная травма — просьба о помиловании. Это считалось позором для революции, вечным позором. И после революции в общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев не принимали категорически так называемых «подаванцев», то есть когда-либо по любому поводу просивших царя об освобождении, о смягчении наказания.

В тридцатых годах не только «подаванцам» все прощалось, но даже тем, кто «подписал» на себя и других заведомую ложь, подчас кровавую, — прощались.

Живые примеры давно состарились, давно сгибли в лагере, в ссылке, а те, кто сидели и проходили следствие, были сплошь «подаванцы». Поэтому никто

сделал — заказал. Оправа до сих пор цела, ее делал какой-то столяр из латышей, выздоравливающий больной за пайку хлеба. Я уже мог тогда дать пайку хлеба за такой сугубо легкомысленный заказ.

Я смотрю на эту оправу — грубую, покрашенную масляной краской, какой красят полы — в больнице шел ремонт, и столяр выпросил «чуток» краски. Потом раму лакировал — лак давно стерся. В зеркале ничего не видно, а когда-то я брился перед ним в Оймяконе, и все вольнички завидовали мне. Завидовали мне до 1953 года, когда в поселок кто-то вольный, кто-то мудрый прислал посылку из зеркал, дешевых зеркал. И эти крошечные копейные зеркала — круглые и квадратные — продавались по ценам, напоминавшим цены на электролампы. Но все снимали с книжки деньги и покупали. Зеркала были распроданы в один день, в один час.

Тогда мое самодельное зеркало уже не вызвало зависти моих гостей.

Зеркало со мной. Это не амулет. Приносит ли это зеркало счастье, не знаю. Может быть, зеркало привлекает лучи зла, отражает лучи зла, не дает мне раствориться в человеческом потоке, где никто, кроме меня, не знает Колымы и не знает инженера Кипреева.

Кипрееву было все равно. Какой-то уголовник, почти блатной, рецидивист пограмотней, приглашенный начальником для обучения грамотный блатарь, постигающий тайну рентгенокабинета, включающий и выключающий рычаги, блатарь, что шел по фамилии Рогов, учился у Кипреева делу рентгенотехники.

Тут у начальства были намерения немалые, и меньше всего начальство думало о Рогове, блатаре. Нет, но Рогов поселялся с Кипреевым в рентгенокабинет, стало быть, контролировал, следил, доносил, участвовал в государственной работе как друг народа. И если не мешал, то доносил, блюл.

Это была главная цель начальства. А кроме того, Кипреев готовил смену самому себе — из бытовиков. Как только Рогов научился бы делу — это была профессия на всю жизнь, — Кипреева послали бы в Берлаг, номерной лагерь для рецидивистов.

Все это Кипреев понимал и не собирался противоречить судьбе. Он учил Рогова, не думая о себе.

Удача Кипреева была в том, что Рогов плохо учился. Как всякий бытовик, понимающий главное — что начальство не забудет бытовиков ни при каких обстоятельствах, — Рогов не очень внимательно учился. Но пришел час. Рогов сказал, что он может работать, и Кипреева отправили в номерной лагерь. Но в рентгеноагрегате что-то разладилось, и через врачей Кипреева снова прислали в больницу. Рентгенокабинет заработал.

К этому времени относится опыт Кипреева с блендой.

Словарь иностранных слов 1964 года так объясняет

слово «бленда»: 3) диафрагма (заслонка с произвольным изменяемым отверстием), применяемая в фотографии, микроскопии и рентгенокопии.

Двадцать лет назад в словаре иностранных слов «бленды» нет. Это новинка военного времени — популярное изобретение, связанное с электронным микроскопом.

В руки Кипреева попала оборванная страница технического журнала, и «бленда» была применена в рентгенокабинете в больнице для заключенных на «Левом берегу» Колымы.

Бленда была гордостью инженера Кипреева — его надеждой, слабой надеждой, впрочем. О бленде было доложено на врачебной конференции, послан доклад в Магадан, в Москву. Никакого ответа.

— А зеркало ты можешь сделать?

— Конечно.

— Большое. Вроде трюмо.

— Любое. Было бы серебро.

— А ложки серебряные?

— Годятся.

Толстое стекло для столов в кабинетах начальников было выписано со склада и перевезено в рентгенокабинет.

Первый опыт был неудачен, и Кипреев в бешенстве расколол молотком зеркало.

Один из этих осколков — мое зеркало, кипреевский подарок.

Второй раз все прошло удачно, и начальство получило из рук Кипреева свою мечту — трюмо.

Начальник даже и не думал чем-нибудь отблагодарить Кипреева. К чему? Грамотный раб и так должен быть благодарен, что его держат в больнице на койке. Если бы «бленда» нашла внимание начальства, получена была бы благодарность, не больше. Вот трюмо — это реальность, а бленда — миф, туман... Кипреев был вполне согласен с начальником.

Но по ночам, засыпая на топчане в углу рентгенокабинета, дождавшись ухода очередной бабы от своего помощника, ученика и осведомителя, Кипреев не хотел верить ни Колыме, ни самому себе. Ведь «бленда» же не шутка. Это технический подвиг. Нет, ни Москве, ни Магадану не было дела до бленды инженера Кипреева.

В лагере не отвечают на письма и напоминать не любят. Приходится только ждать. Случая — какой-то важной встречи.

Все это трепало нервы, если эта шагреневая кожа еще была цела, изорванная, истрепанная.

Надежда для арестанта — всегда кандалы. Надежда всегда несвобода. Человек, надеющийся на что-то, меняет свое поведение, чаще кривит душой, чем человек, не имеющий надежды. Пока инженер ждал решения об этой проклятой «бленде», он прикусил язык, пропускал мимо ушей все шуточки, нужные и ненуж-

ные, которыми развлекалось его ближайшее начальство, не говоря уж о помощнике, который ждал дня и часа своего, когда будет хозяином. Рогов и зеркала уж научился делать — прибыль, «навар» обеспечен.

О бленде знали все. Шутили над Кипреевым все, в том числе секретарь парторганизации больницы аптекарь Кругляк. Мордастый аптекарь был неплохой парень, но горяч, а главное — его учили, что заключенный — это червь. А этот Кипреев... Аптекарь приехал в больницу недавно, истории восстановления электрических лампочек никогда не слышал. Никогда не подумал, что стоило собрать рентгеновский кабинет в глухой тайге на Дальнем Севере.

«Бленда» казалась Кругляку ловкой выдумкой Кипреева, желанием «раскрасить темноту», «зарядить тупту» — этим-то словам аптекарь уже научился.

В процедурной хирургического отделения Кругляк обругал Кипреева. Инженер схватил табуретку и замахнулся на секретаря парторганизации. Тут же табуретку у Кипреева вырвали, увели его в палату.

Кипрееву грозил расстрел. Или отправка на штрафной прииск, в «спецзону», что хуже расстрела. У Кипреева в больнице было много друзей, и не по зеркалам только. История с электролампочками была хорошо известна, свежа. Ему помогали. Но тут пятьдесят восемь и пункт восемь — террор.

Пошли к начальнику больницы. Это сделали женщины-врачи. Начальник больницы Винокуров не любил Кругляка. Винокуров ценил инженера, ждал результатов на запрос о «бленде», а главное, был незлой человек. Начальник, который не использовал своей власти для зла. Самоснабженец, карьерист Винокуров не делал людям добра, но и зла не хотел никому.

— Хорошо, я не передам материал уполномоченному для начала дела против Кипреева только в том случае, — сказал Винокуров, — если не будет рапорта Кругляка, самого пострадавшего. Если будет рапорт — дело начнется. Штрафной прииск — это минимум.

— Спасибо.

С Кругляком говорили мужчины, говорили его друзья.

— Неужели ты не понимаешь, что человека расстреляют. Ведь он бесправен. Это не я и не ты.

— Но он руку поднял.

— Руку он не поднял, этого никто не видал. А вот если бы я ругался с тобой, то по второму слову дал бы тебе по роже, потому что ты во все лезешь, ко всем цепляешься.

Кругляк, добрый малый, по существу, совсем непригодный для колымских начальников, сдался на уговоры. Кругляк не подал рапорта.

Кипреев остался в больнице. Прошел еще месяц, и в больницу приехал генерал-майор Деревянко, заместитель директора Дальстроя по лагерю — самый высокий начальник для заключенных.

В больнице начальство любило останавливаться.

Скульптурный портрет Варлама Шаламова работы Ф. СУЧКОВА. Фото автора.

На Троекуровском (Старокунцевском) кладбище в Москве скромно возвышается ныне над вязью могильных оград бюст с надписью:

Варлам Шаламов.

На постаменте две роковые даты (года рождения и последнего года пребывания на земле). В черточке между цифрами укладывается сжавшаяся в тире жизнь почивших. У Варлама Тихоновича она продолжалась семьдесят пять лет, из коих почти семнадцать с людьми, не возвратившимися обратно...

Создатель публикуемых ниже произведений родился в семье вологодского православного священника Тихона Николаевича (1868—1934) в нелегком по нашей историографии 1907 году. В нэповском, двадцать шестом году В. Т. Шаламов оказывается студентом Московского государственного университета. А с двадцать девятого, первого года сплошной коллективизации, числится (за распространение «фальшивки» — ленинского Письма к XII съезду партии) в списках 4-го лагерного отделения УСЛОНа*. (Это на Вишере, впадающей в Каму.)

И с тридцать второго года он снова в Москве, не очень-то преуспевший... Проба пера в самых различных жанрах неопытного еще Шаламова резко обрывается в тридцать седьмом году, превратившемся со временем в идиому, нарицательно-отрицательный знак...

Однажды, в одну из полярных ночей на Инте, мне пригрезился тусклый дрожащий огонь над плоским захоронением безымянного эска. К счастью для нашей литературы, в конце пятьдесят третьего года поезд дальнего следования привез сорокашестилетнего писателя в центр государства к вернувшейся из

* УСЛОН — Управление северных лагерей Особого назначения (прим. ред.).

карагандинской ссылки жене и уже повзрослевшей дочери... И менее чем через два месяца Борис Пастернак преподнес ему удивительный в свет собственный перевод «Фауста» с обнадеживающей надписью, что все, мол, с наступлением нового, 54-го года утрясется и надо, стало быть, «с верой и надеждой жить дальше».

А через четыре года, намучившись на разных работах в Подмоскovie и Калининской области, он вернулся в Москву. И тут — новое несчастье. Как-то раз, поднимаясь по эскалатору метро, он почувствовал, что привычный окрестный шум уменьшается напор, становится тише... Так началась у него быстроразвивающаяся потеря слуха...

Дальнейшая одинокая жизнь поэта и прозаика, имеющая неизбежные чередующиеся подъемы и спады, потекла в интенсивном литературном труде. «Портфель» его пух и пух. Знаменитые теперь лагерные открытия, напоминая дневниковые записи, целиком и каждая в отдельности есть страстное повествование о разрушении человека, о превращении его в рефлексирующее животное, думающее только о еде, о куске хлеба и как бы поспать...

Но разрушение человека в сталинский период нашей истории шло не только в лагерях, но и по другую сторону стен и колючей проволоки. Есть у Шаламова повествование о том, как дети так называемого вольнонаемного состава северных лагерей рисовали в школьных своих тетрадках. Они рисовали охранные вышки, закозыренные заборы, собак и колючую стальную проволоку.

Тощие, ограниченные впечатления вводили их в сторону от дорог жизни. Один из таких загубленных малышей — в другом повествовании Шаламова — набросился на плохо говорящего порусски эска. Он мастерски расправился с ним,

Там было где остановиться большому северному начальству, было где выпить и закусить, было где отдохнуть.

Генерал-майор Деревянко, обличившись в белый халат, ходил из отделения в отделение, разминаясь перед обедом. Настроение генерал-майора было радужным, и Винокуров решил рискнуть.

— Вот у меня есть заключенный, сделавший важную для государства работу.

— Что за работа?

Начальник больницы ков-как объяснил генерал-майору, что такое «бленда».

— Я хочу на досрочное представить этого заключенного.

Генерал-майор поинтересовался анкетными данными и, получив ответ, помычал.

— Вот что я тебе скажу, начальник, — сказал генерал-майор, — там бленда блендой, а ты лучше отправь этого инженера... Корнеева...

— Кипреева, товарищ начальник.

— Вот-вот, Кипреева. Отправь его туда, где ему положено быть по анкетным данным.

— Слушаюсь, товарищ начальник.

Через неделю Кипреева отправили, а еще через неделю разладился рентген, и Кипреева вызвали снова в больницу.

Теперь уже было не до шуток, — Винокуров боялся, чтобы гнев генерал-майора не пал на него.

Начальник управления не поверит, что рентген разладился. Кипреев был назначен в этап, но заболел и остался.

Теперь не могло быть и речи о работе в рентгенокабинете. Кипреев понял это хорошо.

У Кипреева был мастоидит — простуженная голова на лагерной приисковой койке — и операция была жизненным показателем. Но никто не хотел верить ни температуре, ни докладом врачей. Винокуров бушевал, требуя скорейшей операции.

Лучшие хирурги больницы собирались делать мастоидит кипреевский. Хирург Браудэ был чуть ли не специалистом по мастоидитам. На Колыме простуд больше, чем надо, и Браудэ был очень опытен, сделал сотни таких операций. Но Браудэ должен был только ассистировать. Операцию должна была делать доктор Новикова, крупный отоларинголог, ученица Волчека, много лет проработавшая в Дальстрое. Новикова никогда не была в заключении, но уже много лет работала только на северных окраинах. И не потому, что длинный рубль. А потому, что на Дальнем Севере Новиковой многое прощалось. Новикова была алкоголичка запоиная. После смерти мужа талантливая ушница, красавица, скиталась годами по Дальнему Северу. Начиная блестяще, а потом срывалась на долгие недели.

Новиковой было лет пятьдесят. Выше ее не было по квалификации человека. Сейчас ушница была в запое,

запой кончался, и начальник больницы разрешил задержать Кипреева на несколько дней.

В эти несколько дней Новикова поднялась. Руки у нее перестали трястись, и ушница блестяще сделала операцию Кипрееву — прощальный, вполне медицинский подарок своему рентгенотехнику. Ассистировал ей Браудэ, и Кипреев лег в больницу.

Кипреев понял, что надеяться больше нельзя, что в больнице он оставлен не будет ни на один лишний час.

Ждал его номерной лагерь, где на работу ходили строем по пять, локти в локти, где по тридцать собак окружали колонну людей, когда их гоняли.

В этой безнадежности последней Кипреев не изменил себе. Когда заведующий отделением выписал больному с операцией мастоидита, серьезной операцией, заключенному-инженеру — спецзаказ, то есть диетическое питание, улучшенное питание, Кипреев отказался, заявив, что в отделении на триста человек есть тяжелее его, с большим правом на «спецзаказ».

И Кипреева увезли.

Пятнадцать лет я искал инженера Кипреева. Посвятил его памяти пьесу — это решительное средство для вмешательства человека в загробный мир.

Мало было написать о Кипрееве пьесу, посвятить его памяти. Надо было еще, чтоб на центральной улице Москвы в коммунальной квартире, где живет моя давняя знакомая, сменилась соседка. По объявлению, по обмену.

Новая соседка, знакомясь с жильцами, вошла и увидела пьесу, посвященную Кипрееву, на столе; повертела пьесу в руках: «Совпадают буквы инициалов с моим знакомым. Только он не на Колыме, а совсем в другом месте». Моя знакомая позвонила мне. Я отказался продолжать разговор. Это — ошибка. К тому же по пьесе герой — врач, а Кипреев — инженер-физик.

— Вот именно, инженер-физик.

Я оделся и поехал к новой жилище коммунальной квартиры.

Очень хитрые узоры плетет судьба. А почему? Почему понадобилось столько совпадений, чтобы воля судьбы сказала так убедительно. Мы мало ищем друг друга, и судьба берет наши жизни в свои руки.

Инженер Кипреев остался в живых и живет на Севере. Освободился еще десять лет назад. Был увезен в Москву и работал в закрытых лагерях. После освобождения вернулся на Север. Хочет работать на Севере до пенсии.

Я повидался с инженером Кипреевым.

— Ученым я уже не буду. Рядовой инженер — так. Вернуться бесправным, отставшим; все мои сослуживцы, сокурсники — давно лауреаты.

— Что за чушь!

— Нет, не чушь. Мне легче дышится на Севере. До пенсии будет легче дышаться.

Публикация Ирины СИРОТИНСКОЙ.

потому что все время слышал крылатое, возможно, необходимое во время отпора нацистам, но варварское позднее, выражение: убей немца!

Разрушение человека в местах заключения шло не в одном направлении. Одним из проявлений его было проявление СТУКАЧА. Подобные недопеки в достаточном количестве действовали тогда за тридцать сребреников и бесплатно повсюду.

Тридцать сребреников употребляется в данном случае не как символическая плата за предательство, а как реально существовавшая такса за поимку бежавших из лагеря заключенных. Расписка на 300 рублей, выданная одному из лесников, была в свое время в руках автора этих строк, бывшего продвещстолиста в то время в КОТЛАСЛАГЕ.

Конечно, разрушение человека в 30—40-е годы, поставившие, как правило, ложь за правду, не было тотальным. Борьба за достоинство, за право не стать мокрым местом превращали достойных людей в неодолимую для безнравственных заправил силу... Так было по всей широте нашего государства, включая в него законы обесмертившего себя ГУЛАГА **! Рассказы перемежались со стихами, которые он наборматывал в течение 20 с лишком лет в каменных карьерах, в мерзлых бараках, в больничных, продуваемых ветром палатах неподалеку от полюса холода, и в Москве, на Беговой, 8, в конуре в 10 квадратных метров.

В шестьдесят втором, скупо обнародуя «проходную» продукцию, Варлам Тихонович явился в редакцию «Сельской молодежи», где я тогда работал в качестве литературного сотрудника, и вытаскивал «на-гора» прозу

Платонова. В ноябрьском номере были опубликованы несколько стихотворений В. Т., не сделавших погоды. С его рассказами также ничего не вышло.

В шестьдесят пятом году я накропал для издательства «Московский рабочий» внутреннюю рецензию на стихи Шаламова, портрет которого вырубил в той поре из корявого комля березы.

Рекомендованные стихотворения света не увидели, а портрет пригодился — по копии с него был отлит памятник.

Года через полтора, не веря в возможность публикации лучших своих произведений, Варлам Тихонович подарил мне около шестидесяти написанных кровью рассказов. Все они с течением лет разошлись по достойным рукам любителей самиздатской, возникшей стихийно литературы.

Такой, казалось бы, легкий пересказ событий и основных дат биографии Шаламова скрывает за собой исполненное тревог и всяческих унижений существование одного из выдающихся наших современников. Он недополучил от эпохи все то, что должен был получить от нее за вложенное в ее культуру...

Мне вспомнилось сейчас мое и геофизика В. И. Горбенко посещение Варлама Тихоновича в Доме престарелых (что близости от станции Планерная) осенью восемьдесят первого года.

Он лежал, когда мы вошли в двухместную, пахнущую мощами приютскую комнатушку, как все мы лежали беспмятно в материнском чреве. И это походило на позу свернувшегося калачиком заключенного, пытающегося удержать остаточное тепло. Это было последнее мое свидание с Шаламовым. Он оступал ходившими ходуном руками мой облысевший кумпол и, по-моему, не узнал меня.

Федот СУЧКОВ

Варлам ШАЛАМОВ

■
С годами все безоговорочней
Суждений прежняя беспечность,
Что в собранной по капле горечи
И есть единственная вечность.

Затихнут крики тарабарщины,
И надоест подобострастье,
И мы придем, вернувшись
с барщины,
Показывать Господни страсти.

И, исполнители мистерии
В притихшем, судорожном зале,
Мы были то, во что мы верили,
И то, что мы изображали.

И шепот наш, как усилителем
Подхваченный сердечным эхом,
Как крик, ударит в уши зрителя,
И будет во все не до смеха.

Ему покажут нашу сторону
По синей стрелочке компаса,
Где нас расклеивали вороны,
Добравшись до живого мяса.

И где черты ее фантазии,
Ее повадок азиатских
Не превзошли ль в разнообразии
Какой-нибудь гевны адской.

Хранили мы тела нетленные,
Как бы застывшие в движенье,
Распятие и убиенные
И воскресенные к сраженьям.

И бледным северным сиянием
Качая призрачные скалы,
Светили мы на расстоянии
Как бы с какого пьедестала.

Мы не гнались в тайге за модами,
Всю жизнь шагая узкой тропкой,
И первородство мы не продали
За чечевичную похлебку.

И вот, пройдя пути Голгофские,
Чуть не утратив дара речи,
Вернулись в улицы московские
Ученики или предтечи.

■
Ты упадешь на снег в метель,
Как на пуховую постель,
Взметенную погромом.

И ты заплачешь обо мне,
Отворотясь лицом к стене
Бревенчатого дома.

И ты не слышишь — я зову,
Я, как в лесу, кричу «ау»,
Охрипший и усталый.

Сжимаю, бурей окружен,
В застывших пальцах медальон
Из белого металла.

Так много в жизни было зла,
Что нам дорога тяжела
И нет пути друг к другу.

И если после стольких выюг
Заговорит над нами юг —
Мы не поверим югу...

■
Мы дышим тяжело,
Мы экономим фразы,
Спустившись вниз, в тепло
Сгустившегося газа.

Но здешний кислород,
Расхваленный рекламой,
Почти не лезет в рот,
Хотя он тот же самый,

** ГУЛАГ — Главное управление лагерей (прим. ред.).

Который много раз
Когда-то мы вдыхали,
Еще не паял глаз
На сумрачные дали.

Мы ищем на земле
Соснового озона,
Расцветных полей
И летнего сезона.

Целебный кислород,
Собрав с лесной опушки,
Сосем, прижавши рот
К резиновой подушке.

Я здесь живу, как муха, мучась,
Но кто бы мог разъединить
Вот эту тонкую, паучью,
Неразрываемую нить?

Я не вступаю в поединок
С тысячеруким пауком,
Я рву зубами паутину,
Стараясь вырваться тайком.

И вполонину омертвевший,
Я вполонину трапещу,
Еще ищу живого дела,
Еще спасения ищу.

Быть может, палец человеческий
Ту паутину разорвет,
Меня сомнет и искалечит
И все же на небо возьмет.

Мечты людей невыносимо грубы,
И им не нужны светлые слова.
Вот почему так немые эти губы,
И поседела эта голова.

А жизнь, как зеркало, движению
враждебна:
Она хранит лишь мертвое лицо,
Она вошла ошибкою судебной
На это шаткое, крикливое крыльцо...

Чтоб торопиться умирать,
Достаточно причины,
Но не хочу объектом стать
Судебной медицины.

Я все еще люблю расцвет
Чистой акварели,
Люблю латунный цвет
И жаворонков трели...

Я с отвращением пишу,
Черчу условленные знаки...
Когда б я мог карандашу
Велеть не двигаться к бумаге!

Не успеваю за моей
В губах запутавшейся злости,
Я испугался бы гостей,
Когда б ко мне ходили гости.

И в угол из угла стихи
Шагают, точно в одиночке,
И не могу поднять руки,
Чтобы связать их крепкой строчкой.

Чтоб оттащить их в желтый дом,
В такую буйную палату,
Где можно бредить только льдом,
Где слишком много виноватых.

Я — чей-то сон, я — чья-то жизнь
чужая,
Прожитая запалом, второпях.
Я изображаю, ее изображая
В моих неясных, путаных стихах.

Пускай внутри, за гипсом этой маски,
Подвижные скрываются черты.

Черты лица естественной окраски,
Окраски застыдившейся мечты.

Все наши клятвы, жалобы и вздохи,
Как мало в них мы видим своего,
Они — дары счастливейшей эпохи,
Прошедшего столетия колдовство.

А что бы мы оставили потомству,
Что наши дети примут, как свое —
Уловки лжи и кодекс вероломства —
Трусливое житье-бытье...

Я не скажу, я не раскрою тайны,
Не обнажу закрытого лица,
Которое поистине случайно
Не стало ликом, ликом мертвеца...

Кому-то нынче день погожий,
Кому — томлящая жара,
А я, наверно, проморожен
Тайгой до самого нутра.

И мне все кажется, что лето
Напрасно силы бережет,
Напрасно раскаленным светом
Дотла всю землю не сожжет...

Я беден, одинок и наг.
Лишен огня.
Сиреневый полярный мрак
Вокруг меня.

Я доверяю бледной тьме
Мои стихи,
У ней едва ли на уме
Мои грехи.

И бронхи рвет мой мороз,
И сводит рот,
И, точно камни, капли слез
И мерзлый пот.

Я говорю мои стихи,
Я их кричу.
Деревья голы и глухи,
Страшны чуть-чуть.

И только эхо с дальних гор
Звучит в ушах,
И полной грудью мне легко
Опять дышать.

Зачем холодный блеск штыков
И треск селекторных звонков?

Чего вы испугались вдруг?
Что слышно в злобном гуле выюг?

Ведь он — не бог и не герой,
Он даже жалкий трус порой.

Ведь он — один, один, один,
Хотя дожил и до седин.

Его же верные друзья
Не испугаются ружья.

Друзья, и братья, и отцы —
Они ведь только мертвецы!

Бормочут у крыльца две синенькие
галки,
И воду воробей из лужи важно пьет.
Щегол уж не творит, а шпарит по
шпиргалке,
Я с детства заучил порядок этих нот.

Но прелесть детских лет —
не больше чем невзгода,
Чем тяжесть страшная на памяти
моей,
Мне совестно взглянуть под купол
небосвода,

Под купол цирковой
моих превратных дней.

Дней юности моей, что прожита
задаром,

Разорванный, растоптанный
дневник,
Соседства смертных стрел,
напитанных анчаром,
Опасное соседство книг...

И молодость моя — в рубцах от
первых пыток —
Возмездья первородного греха.
Не самородок, нет, а выплавленный
слиток
Из небогатых руд тавжнего стиха.

И зрелость твердая — в кружащейся
метели,
Бредущая по лесу с топором...
Я жизнью заболел, и я лежу
в постели,
И трижды в день глотаю горький
бром...

Есть состоянье истощенья,
Где не заметен переход
От неподвижности к движенью
И — что странней — наоборот.

Все дело здесь такого рода,
Как вы легко понять могли:
Дождем крапленная колода
Ва-банк играющей земли.

Где грош и то поставлен на кон,
Ведь вся земная красота
Не признает бумажных знаков
И кровь меняет на металл.

Свой рубль волшебный,
неразменный,
Я бросил в эту же игру,
Чтоб заползти вполне нетленным
В любую снежную кору.

Мои дворцы хрустальный,
Мои дороги дальние,
Лиловые снега,

Мои побаски вольные,
Мои стихи крамольные
И слезы — жемчуга.

Безлюдные, холодные,
Урочища бесплодные,
Безвыходные льды,

Где людям среди лиственниц
Не поиск нужен истины,
А поиски еды,

Где мимо голых лиственниц
Молиться богу истоиво
Безбожники идут,

Больные, бестолковые,
С лопатами совковыми
Шеренгами встают.

Рядясь в плащи немаркие,
С немецкими овчарками
Гуляют пастухи.

Кружится заметь выюжная
И кажутся ненужными
стихи.

Жизнь другая, жизнь не наша
Участь мертвеца,
Точно гречневая каша,
Осины лица,

Синий рот полуоткрытый,
Мутные глаза.
На щеке была забыта —
Высохла слеза.

И на каменной подушке
Стынет голова.
Жмется листьями друг к дружке
Чахлая трава.

Над такую голову,
Над таким лицом
Ни надзора, ни конвоя
Нет над мертвецом.

И осталось караульных
Нынче только два:
Жесткие кусты: багульник
И разрыв-трава.

Ты душу вывернешь до дна,
До помраченья света.
И сдачу даст тебе луна
Латунною монетой.

Увы, не каждому рабу,
Не дожидаясь гроба,
Дано испытывать судьбу,—
А мы такие оба.

РОМАНС

В заболоченной Чукотке,
У вселивной на краю,
Я боюсь одной чахотки,
Слишком громко я пою,

Доставая из-под спуда,
Из подполья злого дня
Удивительные руды
С содержанием огня.

Для моих усталых легких
Эти песни тяжелы.
Не найду мелодий легких
Средь сырой болотной мглы.

Кровь густая горлом хлынет,
Перепачкав синий рот,
И у ног моих застынет,
Не успев впитаться в лед.

На этой горной высоте
Еще остались камни те,
Где ветер выбил письмена,
Где ветер выбил имена,
Которые прочел бы бог,
Когда б читать умел и мог.

Я нищий, может быть, и так.
Стихает птичий гам,
И кто-то солнце, как пятак,
Швырнул к моим ногам.

Шагну и солнце подниму,
Но только эту медь
В мою дорожную суму
Мне спрятать не сумею...

Не хватает чего? Не гор ли,
По колено увязших в пески,
Чтобы песней прочистить горло,
Чтобы выговорить стихи.

Не хватает бумаги писчей,
Или силы любой тщеты,
Или братского, в скалах, кладбища,
О котором не знаешь ты?

Я не верю, не верю крику
В мире, полном кровавых слез,
Проступающих, как замляника,
Сквозь траву возле белых берез.

дверь-блистер, приготовился к взлету. Двигатели запускали вручную, и было ощущение, что время откатилось на полвека назад — раздалась такая знакомая по старым фильмам о летчиках команда:

— От винта!

Оба мотора заработали ровно, и Проконец, дав газ, порулил в конец поля, чтобы оттуда начать взлет.

«Малыш», пробежав метров сто, оторвался от земли и круто взмыл вверх.

— Градусов под сорок пять, не меньше, — прокомментировал Вячеслав.

Самолет ходил кругами над полем, делал восьмерки, снижался и снова уходил вверх. При очередном развороте немного качнулся и вдруг, сделав переворот через крыло, пошел вниз.

Кондратьев, задрав голову, заметил ворчливо:

— А вот это натуральное хулиганство! — Но в голосе его чувствовалась гордость за «малыша», способного к высшему пилотажу.

все крупные самолетостроительные фирмы изготавливают подобные модели, и они охотно раскупаются...

Преимущества нашего варианта? Относительная дешевизна, простота в эксплуатации. В серии он будет стоить 30 тысяч рублей. Для сравнения — цена «Вильги», польского самолета аналогичного класса, 70 тысяч...

Мой отец, заслуженный штурман СССР Валентин Иванович Аккуратов, налетавший в Арктике сотни тысяч километров, когда я ему рассказал о «малыше», воскликнул:

— Молодцы, ребята! Стоящее дело затеяли! Это дорога в небо для тех, кто не смог попасть в большую авиацию... Обучение тут займет не более двух недель, знаю это по личному опыту. А когда человек обрѣтает крылья, сам понимаешь, что для него это значит...

Остается добавить лишь одно — в прошлом году на Всесоюзном смотре-конкурсе сверхлегких летательных аппаратов самолет из Жуковского завоевал первое место.

САМОЛЕТ НА ПРОДАЖУ

Иван АККУРАТОВ

— Проще! — И размашистым жестом Николай Проконец приглашает нас в гараж. Я заглянул туда, кроме двух автомобильных корпусов на стелжах ничего не увидел.

— А где же?..

— Одну минуту, сейчас покажем. — И, повозившись в полумраке помещения, «творческая группа» выкатила на свет самолет.

Теперь понятно, почему не удалось его заметить сразу, — он практически прозрачен и до смешного мал!

Фюзеляж без крыльев и хвостового оперения напоминает стрекозу. Окрашенный «серебрянкой», сверкающий под солнечными лучами, он и впрямь был большой стрекозой.

Мда-а... Невелика птица, подумал я. И закралось сомнение: а полетит ли?

Вячеслав Кондратьев, начальник отдела сверхлегких летательных аппаратов Летно-исследовательского института, будто перехватив мои мысли, сказал:

— Не беспокойся, «малыш» летает, да еще как! Конечно, его характеристики с большой авиацией несравнимы. При длине в шесть метров он весит всего триста килограммов. Берет двух человек на борт. Обрати внимание на компоновку: места для пилотов мы расположили параллельно — так легче обучать начинающих, появляется «чувство локтя». Кроме того, при полной

загрузке не меняется центр тяжести и за сиденьями есть место для багажа. На взлет достаточно 150—200 метров поля, скорость, в общем, тоже невелика — до 140 километров в час. Но ему больше и не нужно. Ведь проектировали самолет специально для «камерного» применения. Для охотников, лесников...

Недавно камчадалы запросили для лесного хозяйства три таких вот «малыша». Выполнить заказ взялись ребята из кооператива «Сотрудничество». До конца года они должны сделать несколько наборов (самолет будет продаваться в разобранном виде, для последующей сборки авиалюбителями), а на следующий запланировано гораздо больше. Большую помощь оказывает Министерство авиационной промышленности.

Сейчас группа ОКБ легкомоторной авиации работает над улучшением конструкции аппарата. Со следующего года наладит выпуск более удобной и экономичной модели. Ведется разработка и шестиместного варианта.

...Тем временем самолет прицепили хвостом к автомобилю и, расовав по всем свободным местам матчасть, решили опробовать его в воздухе.

«Аэродром» — обыкновенная, заросшая травой бывшая пашня, даже борозды от плуга остались.

Николай сел в кабину и, задвинув

Фото Альберта ЛЕХМУСА

Речь зашла о трудностях в любительском самолетостроении.

— Нам в определенном смысле повезло. Жуковский — как-никак город авиационный... Но как быть тем, кто не имеет таких возможностей?.. И еще одна, очень важная проблема — промышленность не выпускает двигателей для сверхлегкой авиации. Самодельщики ставят моторы от мотоциклов или, как мы, — от снегохода «Буран». А они ненадежны... За рубежом практически

ОТ РЕДАКЦИИ. Итак, разбег сделан. Сегодня в небе — один «малыш». А сколько их будет завтра? Консорциум планирует выпуск сверхлегких аппаратов в прямой зависимости от числа заявок.

И если вы захотите иметь самолет — легкий, удобный, простой и надежный в управлении, — направляйте свои заявки в адрес редакции «Смены». Самолет в хозяйстве — не роскошь...

Леонид ГОЛЬДИН,
доктор философских наук

НЕОТВРАТИМ

Сегодня, когда первая эйфория гласности, очищения от скверны миновала, а вопросов стало больше, чем ответов, растерянность, смятение ума и сердца — удел не только слабых характерных. До сих пор слышим привычное: зачем ворошить старое, будоражить людей? Зачем обыденное «что делать» заменили на «кто виноват», ведущее к душевной сумятице и конфронтации?

Нужен ли нам, обществу социального единства, этот самый плюрализм оценок и позиций, хоть и названный социалистическим? Вот и результаты налицо: «неформалы», демонстрации, петиции с ультиматумами высокими инстанциям. Каждая газета, журнал — про свое. То про узурпацию бюрократией прав напишут, то про сопротивление перестройке, то усомнятся: было ли такое в истории, чтобы кто-либо отказался добровольно от своих привилегий, поделился властью или монополией на истину? Не то что журналисты — ученые, генералитет втянулся в дискуссии. Какая уж тут дисциплина и сплоченность?.. Да, есть немало людей, сомнений не испытывающих: наносим, мол, вред международной нашей репутации, урон воспитанию молодых...

О нашей бесхозяйственности, бюрократии и взяточниках самого высокого уровня знает весь мир. «Нет таких чиновников в мире, которые взяли бы верх над советскими чиновниками, когда они выстраиваются для упрямого и злого сопротивления», — говорил Арманд Хаммер. К нам интуриста ездили пить дешевую водку в обществе еще более дешевых девочек, желтой прессе об этом писать давно наскучило. Но вот и нам глаза приоткрыли. На кого же обрушить свой стыд и гнев за все это? Конечно же, удобнее всего на тех, кто лишил нас неведения и душевного покоя.

Кому-то перестройка поперек горла, но она по-разному оделила и тех, кто связывает с ней смысл и цель своей жизни. Сказочно, немисливо щедрой перестройка оказалась для тех, кто задышался в уродствах культа, волюнтаризма, застоя. Кто из самых дальновидных мог представить, что в столь короткие сроки рухнут языческие «табу», что страна заговорит в полный голос, и даже порой дух захватит от обилия непривычного свежего воздуха? Для нас журнальный бум, «революция газет» не компенсация за малый заработок, бесконечные очереди и нарушение прав человека. Авансам, прогнозам о светлом будущем люди верят слабо: натерпелись, наслушались... Жить хотят сейчас, и жить хорошо. У философов это называется так: **повысилась ценность настоящего времени по отношению к будущему.** А у лидеров перестройки сверхзадача: как эту ценность отovarить.

Нынешнее состояние прилавка, как и вызывающее тревогу состояние умов, порождено не демократизацией и гласностью, а тем, что им прямо противоположно: всепокорностью и бессловесностью, монополией на мысль и решение, восхвалением вождей... Решающее поле борьбы — экономика. Конечно, мы чего-то добились, были сдвиги, и немалые, но по масштабам мировой экономики отнюдь не рекордные, в особенности если учесть безоглядно расточае-

мые сырьевые и трудовые ресурсы, ограниченность потребления, которое к тому же в немалой степени за нас с вами счет и оплачивается. В брежневские времена к этому добавились безудержное стяжательство, коррупция, вещизм, лицемерная двойная жизнь, двойная мораль, породившие пьянство, наркоманию, массовую социальную апатию. Словом, перестройка получила тяжелейшее экономическое и нравственное наследство — раннее или позже за все придется заплатить...

Как хотелось утешиться: заменили б Сталина вовремя, все было бы по-другому. Что без серьезнейших перемен не обошлось бы, это верно. Но если бы все определялось только его личными качествами! Вот опубликована статья Николая Бухарина, крупнейшего теоретика партии, сторонника, в отличие от Троцкого, экономических методов развития народного хозяйства. Но каковы его терпимость, отношение к инакомыслящим? «Наконец-то мы снова берем в руки меч против изменников! Придет наше время, негодяи!..» «Мерзавцы», «навоз» — это об оппонентах. Из той же статьи: «Точно охотник за волком, гонялся Ильич за Плехановым». Как кого, а меня коробит от этих строк.

Можно сравнить, как сам Ленин рассказал о конфликте с Плехановым: «Трудно описать с достаточной точностью наше состояние в тот вечер: такое это было сложное, тяжелое, мутное состояние духа! Это была настоящая драма, целый разрыв с тем, с чем носился, как с любимым дитенком, долгие годы, с чем неразрывно связывал всю свою жизненную работу... Все налаживалось к лучшему — налаживалось после таких долгих невзгод и неудач... и вдруг налетел вихрь — и конец, и все опять рушится». В этой исповеди нет и тени тех волчьих настроений, о которых пишет Бухарин.

В трагические годы репрессий и для самого Бухарина найдут зоологический образ — «проклятая помесь лисицы и свиньи». Фразеология нетерпимости, ужасающий словарь эпохи репрессий: «воноющая падаль», «поганые псы», «презренная куча авантюристов» создавались не только Сталиным, Берией и Вышинским. Радек называл Зиновьева и Каменева «бандой кровавых убийц». Пятаков призывал «уничтожать их как падаль»... Не отличался деликатностью язык деятелей РАППа, ученых, сокрушавших оппонентов политическими ярлыками. Чего стоит, к примеру, деятельность академика М. Б. Митина по уничтожению не то что инакомыслия, а всего того, что хотя бы малый след мысли имело.

Все это было не только в политике, в идеологии, но и в экономических отношениях. Более того, там и вызревало, рефлексируя, отражаясь в надстройке. И поотставшего в социалистическом соревновании «с песочком протирали», и на черных досках клеймили: «Вы нас позорите!» Это еще так, по-дружески. А не выполнил план — тут уж язык прокурора...

Не для того об этом пишу, чтобы судить о вчерашнем по меркам сегодняшнего дня, а для того, чтобы сложнейшую нашу историю не втискивать в удобные для драматургии схемы. Для того, чтобы напомнить: «персоналии»

значат в истории не более, чем это определено марксизмом.

Может быть, мы еще не вполне оценили предупреждение Маркса: «Ручная мельница дает нам общество с сюзереном во главе; паровая мельница — общество с промышленным капитализмом». Марксизм отвергает технологический детерминизм, но роль средств и методов производства в социальных отношениях учитывает в полной мере. Общественная психология формируется средствами труда, экономическими условиями куда в большей степени, чем какой-либо личностью. И тому дают подтверждение строительство Петербурга и Норильска, епифанских шлюзов и Беломор-Балта, демидовских печей и Магнитки.

Пока косное мышление, иллюзии прошлого тянут назад, к намертво скованному сознанию стереотипам, сложно думать о творчестве человека, его готовности к нетривиальному действию, к которому ведет не приказ, не постановление, а свободный выбор.

Различных строгостей, критики и самокритики у нас — море разлитое, и все считаем, что мало. Неулыбчивы, озабочены, взрываемся по всякому поводу. А в японских фирмах считается, как пишут специалисты, что критика, взыскания снижают трудовую активность. Человек должен работать с хорошим настроением. Страх порождает беспокойство и суетливость, но не дает нужного результата, исключает подлинные инициативы и творчество. Японцы считают гордость и достоинство мощными стимулами эффективного производства. Поэтому проявляется огромная забота «о сохранении лица» работников, деликатность в общении с ними. Американские менеджеры с их прямолинейностью (куда ей, однако, до нашей простоты в отношениях с подчиненными) начинают все больше воспринимать японский опыт обращения с людьми.

Психологи установили, что рабочие и служащие фирмы «Дженерал электрик» через двенадцать недель после аттестации имели самые низкие показатели по тем аспектам работы, по которым были сделаны критические замечания. Снизились активность и интерес к работе, повысилось нервное напряжение. Вывод: **акцент на недостатки, а не на положительные качества работника снижает производительность труда и вырабатывает защитный механизм.** Критика улучшает результаты, если ее высказывает человек, пользующийся доверием и уважением, если не является повседневной и привычной, не носит грубой формы. Принято больше критиковать сами идеи, чем их авторов.

То, что мы приписываем дурному воспитанию, лихим нравам, имеет крепкие экономические основания. В том числе стиль общения и жаргон многих нынешних волевых командиров производства. И барская вседозволенность поступков и оценок, и боязнь начальства, и чиновничество — эти болезни, порожденные рабством и феодализмом, лежали в основе общественной психологии. Бюрократический стиль отношений этот принцип наследует и «обогащает».

Пропаганда культуры, воспитательная работа, просветительство, как

и критика авторитарных методов, решают немного, хотя и этим нельзя пренебрегать. Но бережное, на научном знании и гуманизме основанное отношение к человеку утвердится повсеместно лишь тогда, когда важнейшей потребностью производства станет не просто добросовестный, хорошо обученный исполнитель, а творческая, освобожденная от технологического принуждения личность.

Увы, совсем не так много людей, как думалось раньше, этому выбору обрадовались. Не только для бюрократии был немалый психологический комфорт, когда казалось, что кто-то владеет ключом к разрешению всей много-много сложности проблем, знает, как всех сделать счастливыми. Но и среди людей, отнюдь не наделенных высокими полномочиями, немало искренне не понимающих, как общество, не впадая в анархию, будет жить по принципу: можно все, что не запрещено законом.

Философия вождизма, административного диктата веками исправно служила властям, ее не одолеть в одночасье, она же серьезнейшая преграда на пути утверждения реальной власти народа. Народ, который не сумеет победить эту философию и ее адептов, обречен быть в арьергарде исторического прогресса. Утрачивая свободу и ответственность, человек лишается вместе с тем и творческого импульса. «Я ничего не могу, ничего не решаю» — что может быть пагубнее для общества, чем это умонастроение, тем более если оно соответствует фактическому положению. А такое положение неминуемо возникает, когда господствуют феодальные нравы, когда популярнейшими словами школьного жаргона становятся «не возникай» и на всю последующую жизнь — «не высывайся».

Главное состоит в том, чтобы открыть социальный простор творческой личности, чтобы люди пробудились от многолетней социальной летаргии и интеллектуального оскудения. Но сами по себе ни демократия, ни гласность необратимость перестройки не обеспечат. Нужны коренные перемены в производственных силах, в экономике. И при этом хозрасчет, прибыль, жесткую финансовую ответственность нужно сомкнуть с нравственным обновлением общества, с утверждением гуманистических идеалов. Экономическое соревнование, конкуренцию производителей — с такой социальной справедливостью, которая не порождала бы вопроса: правильный ли выбор был сделан и семьдесят, и три года назад?

Есть у нас три экономики. Первая — это государственный ее сектор. Здесь сосредоточена львиная доля средств производства, трудовых ресурсов. Когда речь идет о преимуществах социализма, имеем в виду прежде всего государственную собственность. Но и самые острые наши проблемы, противоречия связаны с нею же. Серьезного сдвига здесь пока не произошло. Об этом, в частности, со всей открытостью и остротой говорилось на партийной конференции.

Вторая экономика — кооперативно-колхозная, в ее составе и нынешнее кооперативное движение. Хотя мы о нем говорим сегодня очень много, пусть и в разногласии, от него

ОСТЬ ВЪ ВЪБОРА

и в ближайшей перспективе не так уж много перепадет. Рассчитали, что к началу нынешнего года в кооперации и в ИТД должны участвовать 2,5 миллиона человек. Прогноз оказался завышенным. Серьезного вклада в национальный доход пока не получили, а новых противоречий образовалось немало.

И, наконец, третья — «теневая экономика» с годовым оборотом 14—16 млрд. рублей, которую, несмотря на то, что мало она таилась, мы долгие годы старались не замечать. Она есть по всему белу свету. Наша имеет, конечно, свою специфику — морского пиратства, к примеру, нет; МИГ или танк ни в Одессе, ни в туалете на Петровке не купишь. Разве что автомат и патроны рассыпью. Такие экстравагантности, как коррупция, спекуляция, наркобизнес, проституция, порнография, отличаются лишь масштабом и качеством, мы здесь не успели продвинуться до мировых рубежей. Зато по самогонке всех опережаем. Наша «теневая экономика» малокинематографична: и главные ее воротилы, и мелкие сошки вроде «несунов» испытывают общую трудность — некуда деньги девать. Плохо обеспечивают товарами и услугами госсектор и кооператоры.

Но не о них, конечно, наша печаль. Главная трудность состоит в том, что пока не удалось повысить качество жизни тех, кто стоит у станка и мартена, пульта управления и кульмана, кто выходит затемно на поле и на ферму.

Итак, при всей несхожести путей, нравов и судеб все понимают: какую насущную потребность ни возьми, полноценно удовлетворить ее можно только путем революционного обновления промышленности, сельского хозяйства, обслуживания. Однако привычное и воспитанию нашему соответствующее слово «революция» к производству нужно прилагать с особой осторожностью. Скачки в экономике, если они не подготовлены серьезнейшими переменами в ее материально-технической базе, обычно несут беды не менее застоя, инерционна она, не в пример телевидению и печати. Уплотнением рабочего дня, борьбой с перекурами и опозданиями возьмешь жалкие крохи, если сотня здоровых мужиков приставлена к тому, что в других странах слегка обученный робот делает. А у нас чуть не сорок процентов работников заняты ручным трудом. И беда армии управленцев не столько безделье, сколько суета и истерика.

Есть и другая серьезнейшая причина, определяющая инерционность экономики: состояние первой производительной силы, которая у нас, эксплуатации не подверженная, пока работает хуже, болеет чаще и живет меньше, чем нынче принято в индустриальной цивилизации. Философы, социологи говорят об этом мало и сегодня: очень болезненная тема. Когда мы в страхе от телевизора, собранного нашими умельцами, от костюма, сшитого пусть и по французской лицензии, когда боимся Третьяковку, «Метрополь» и Большой зал консерватории своим строителям доверить, здесь груз прошлого еще более крепко держит, чем техническая отсталость. И наши управленцы, командиры производства, отученные от самостоя-

тельных решений, от права на риск, не скоро еще свою робость одолеют.

Если искать решающее звено, думать, с чего начать, и опираться при этом не на казарменные идеи, не на маниловские проекты, а на экономические законы, мировым опытом проверенные, то во главу угла нужно ставить новые средства производства. Сердцевина интенсификации всей экономики — развитие машиностроения. В нынешней пятилетке рост машиностроительного комплекса опережает промышленность в целом на 1,7 раза, а станкостроение, приборостроение, электроника — еще больше. Раньше бы таким темпам порадовались, а теперь понимаем — мало, недостаточно для того, чтобы по всем статьям с мировым уровнем сравняться.

Новая техника позволяет не только произвести больше, лучше, дешевле. Она в корне меняет содержание труда, отношение к нему. Ведь бегут с завода, с фермы сегодня не столько из-за малого заработка, сколько из-за нетерпимых условий работы. Нужно сказать, перестройка обострила противоречия в этой области. С чем вчера мирились, сегодня в атмосфере всеобщего внимания к личности, к человеческому достоинству терпеть не хотят. Увлечешь ли поклонника хэви-металла вдохновенным завинчиванием гаек на конвейере? А девчонка-ткачиха? Как белка в колесе, в шуме, в пыли — изо дня в день одно и то же. Труженик агропрома с вилами и лопатой... И в придачу к такому труду нередко хамство, грубость, нетерпимость к чужому мнению администраторов старых формаций, бездушие, суженность душевного пространства быстро овладевших новыми лозунгами технократов.

Какая связь между уродствами отношений на производстве и его техническим уровнем? Самая прямая. Феодальные нравы возможны только там, где само производство находится на донаучном уровне, где его можно вести беспрекословными командами, устрашением слушников. Для подлинного освобождения человека нужна не только социальная революция, но и революция в технологии. Тачки и лопаты, мотыги и грабли в царство свободы не приведут. Об этом нужно помнить и тогда, когда решаем архиактуальную экономическую проблему и когда ведем обостренную дискуссию на историческую тему.

Только глубокие перемены в экономике убедят того, у кого портрет Сталина на ветровом стекле самосвала или «Жигулей», их единомышленников, усидевших после всех реорганизаций, что только демократизация и гласность способны поднять наше все еще застойное производство, народное благосостояние, а не командные методы и директивы.

Ультрасовременное производство требует прежде всего работника-творца, личность, способную к новаторству и собственному развитию. Использовать такого работника «на подхвате» — невосполнимый убыток, ибо сразу же оскудеет приток идей — самого важного фактора научно-технического прогресса.

Производство уровня 40—50-х годов нуждается в первую очередь в мало-

рассуждающем, строго дисциплинированном исполнителе. Монополия на мысль и решение здесь принадлежит руководству. Человек с новаторскими идеями, самостоятельный, с активными индивидуальными проявлениями для него помеха. Что будет завтра — еще неведомо, а сегодня он вносит хаос в порядок людей и вещей. И неудобен начальству, а порой и коллегам: почему он себе позволяет то, что нам нельзя? Чаще всего и прижимать его не надо, он сам сломается в этих условиях. Если такие отношения доминируют в основной сфере общественного развития — на производстве, наивно думать, что можно где бы то ни было от них упрятаться. Не спасет от того ни ранг министра, ни профессорское звание, ни тишь захолустного архива, ни будка ночного сторожа.

А когда нет простора для личности, для самовыражения в творческом деле, остается, кроме жесткого командного давления, лишь один стимул — деньги. Труд, всецело сводимый к денежному эквиваленту, может быть уделом и крупного управленца, и ученого, и художника. Такой труд формирует суженную психологию дельца, в котором черты социального инфантилизма проявляются порой даже резче, чем в бездельнике. Наивная вера во всемогущество денег, в возможность достижения устойчивого личного благополучия безотнотительно к тому, что происходит в обществе, питает активность и предприимчивость и госбюрократу, и делового кооператора, и прытью не уступающего им дельца на ниве культуры. Она же, эта вера, неминуемо ведет их к полной зависимости от денег, от вещей, от «нужных людей» — будь это кустарь-автослесарь или сюзерен, венчающий кадровую пирамиду.

И если труд на заводе, в колхозе, «в аппарате» ничего не дает ни уму ни сердцу, то единственным его стимулом становятся деньги. Эти деньги должны в таком случае не только соответствовать экономическим результатам труда, но и компенсировать издержки духа и разума. Безропотный порученец, подбострастный угодник, как правило, не бессребреники. Не получают полной мерой за пресмыкательство — не будут всепокорно служить патрону. Вот и приходится государству расплачиваться за душевный комфорт феодалов от бюрократии.

Партия, народ полны решимости избавиться от этих уродств, обуздать бюрократическое всевластие. Из многомиллионной армии управленцев право на существование должны получить лишь те, кто действительно нужен экономике, социальному развитию. Около 800 союзных и республиканских ведомств должны урезать свои штаты, некоторые наполнину. Есть и такие конторы, которые вообще должны быть ликвидированы.

Оздоровлению отношений на производстве служит выборность руководителей. Вот и в черниговском производственном объединении «Химволокно» вопреки воле руководства бывшего всесоюзного объединения избрали подавляющим большинством нужного коллективу генерального директора А. А. Лысенко. Новый руководитель убежден, что решающую роль в этом

сыграл заводской комсомол, который потребовал обеспечить реальную состязательность претендентов. Обсуждалось пять кандидатур. Победитель хорошо понимает, кому он обязан своей высокой должностью, чьи интересы представляет. Да и в отношениях «с верхами» куда более своих предшественников свободен.

Появился новый орган хозяйственно-го самоуправления — совет трудового коллектива. Здесь тоже, конечно, не обходится без проблем. На начало нынешнего года из 2089 СТК, избранных на предприятиях Московской области, только 3,3 процента возглавляли рабочие. В Свердловской и Ивановской областях более 90 процентов советов возглавляют руководители, такая же картина и во многих других регионах. ВЦСПС настоятельно рекомендует ограничить такую практику, избирать председателем совета передовых рабочих, бригадиров, специалистов. Укрепляются и другие формы демократии.

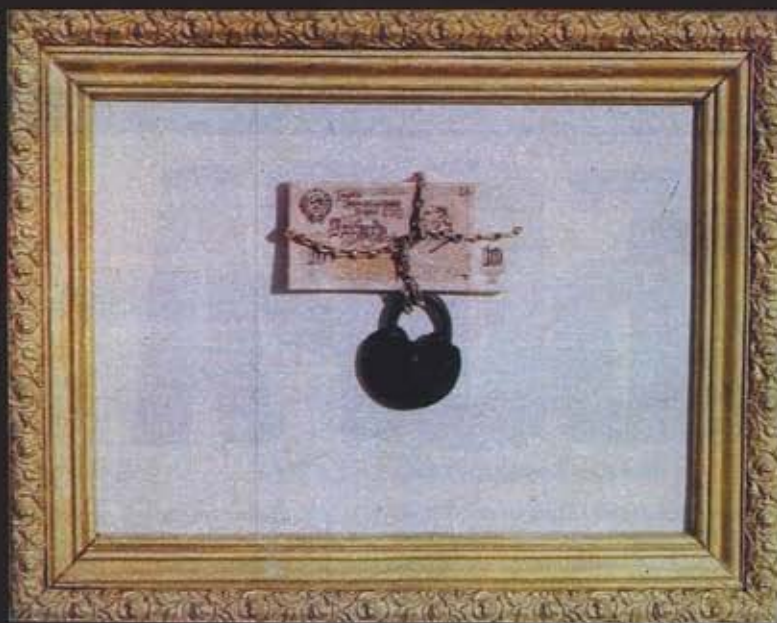
Все эти меры в сочетании с техническим обновлением производства должны гарантировать необратимость процессов перестройки в экономике, сомкнуть их с нравственным оздоровлением общества.

В заключение хочу поставить не сглаживая углов вопрос: если бы даже перестройка не дала никаких других результатов, кроме всеобщей гласности, невиданного расширения границ свободы и достоинства личности, как бы мы ее оценили? И каково место она бы заняла в истории? Думается, ответ однозначен.

Те, кто формировал теорию социализма, и те, кто начинал его строительство, не сомневались, что новая цивилизация обеспечит невиданное в истории царство свободы, уважения к личности, заботы общества о ее достоинстве. За три года перестройки мы продвинулись по пути к этой цели дальше, чем за всю историю реального социализма. В направлении ленинском, для мыслящих и честных людей безусловно желанном, но изведенном теорией столь же мало, как и практикой.

Границы творчества, свободного слова сегодня, как никогда ранее, определяются лишь мерой таланта и социальной ответственности. Но только ли автотократы не рады таким переменам? Выяснилось, что перестройка многих лишила привычной самозащиты, возможности сетовать на стесненность обстоятельств, серость свою и убогость прикрывать сакраментальным, исправно служившим: «От меня ничего не зависит». Не призывая на баррикады, отвергая конфронтацию социального противостояния, перестройка тем не менее высветила бескомпромиссно и отчетливо, кто есть кто.

Каждый получил возможность выбирать: стать бессловесным манкуртом или свободным, мыслящим человеком. Жить в обществе, напоминающем окаменевшую глыбу (даже если именовать ее монолитом), или формировать социальные отношения, достойные высочайших гуманистических идеалов. Ждать, пока засосет тебя «черная дыра», или через тернии перестройки — к звездам, к цивилизации для человека, дающей каждому реальную возможность быть творцом, личностью.

Там, где когда-то Петр I устраивал потешные игры, сегодня вернисаж, ярмарка, мастерская...

Как только ступаешь на исторические тропинки и вновь протоптанные дорожки Измайлова, глаза разбегаются, не знаешь, куда смотреть, чем любоваться, что выбирать. Живопись и графика, скульптура и чеканка, матрешки и иконы, детские игрушки, стекло, металл, фаянс, керамика, ложки, поварешки, подносы расписные, календари рекламные, искусственные цветы... Что угодно для души. Причем душа, взыскующая высокого искусства, найдет совсем недурные пейзажи и натюрморты, серьезные живописные полотна, талантливо исполненные портреты. Человек, отдающий предпочтение модернизму, отыщет работы, сделанные по канонам любого «изма», а ежели простая душа тянется к коврику с лебедями, то и коврик отыщется, и более современные достижения кича.

Казалось бы, виват, ура! Да здравствует свобода творчества, выбора и предложения — но подождем бросать шапки вверх.

...Покровитель искусства Аполлон благосклонно взирает на своих служителей: творите! Но за Аполлоном неотступно следует бог торговли Меркурий с заповедями: торгуйте, обогащайтесь! Денежные купюры, витающие в измайловском воздухе, вовсе не художественный образ.

Пусть не думает читатель, что мы сейчас начнем подсчитывать деньги в чужом кармане, хотя, честно говоря, мы провели маленькое исследование и убедились, что миллионером здесь не стать. Сбыт не гарантирован: за день можно заработать и две сотни, и десятку. В среднем за месяц выходит рублей 400 — не такие уж большие деньги. Интересной другое: можно ли быть слугой двух господ? Как договорятся между собой Меркурий и Аполлон? Было бы ханжеством утверждать, что художник должен творить только ради идеи, сидя на черном хлебе и воде, «но все же, все же, все же...».

Высокий, художнического вида блондин при бороде и очках похотливо расставил свои картины на зеленой лужайке. На сияющем, как лаковая миниатюра, черном фоне сочными красками изображены прозрачный бокал, несколько черешен на веточке, апельсин. Очень красиво, но глаза разбегаются: перед вами не один натюрморт, а штук десять, одинаковых, как двойняшки. За каждый — сорок рублей.

Такое впечатление, что художник просто нащупал золотиносную жилу и моет свой золотой песочек.

Измайлово, так и не став аккумулятором талантов, превращается в рынок.

Вырабатывается тактика. Главное — «охмурить иностранцев». Они —

самые выгодные покупатели.

...А вот крошечные миниатюры, изображающие времена года. Впрочем, автор трезво оценивает свою работу.

— Это отдельный вид искусства... Сувенир, — находит он нужное слово.

Молодой человек согласен, что на эти «сувениры» тратится много времени и сил, которые можно было бы посвятить поискам, совершенствованию мастерства. Но слишком уж заманчива возможность подработать: на стипендию не проживешь. Творчество для него — высокое служение богу Аполлону. А малевание на продажу — это по ведомству Меркурия. Подобный дуализм довольно популярен в Измайлове. Создается впечатление, что молодые художники, студенты училищ и вузов гонят от себя очевидную мысль, боятся взглянуть правде в глаза: нельзя делать одной рукой халтуру, причем откровенную, с полным пониманием этого, а другой — талантливые работы. Рука в конце концов только инструмент, картина пишется душой, разумом, сердцем, а в одной душе два бога редко уживаются.

«Перо, пишущее для денег, смело уподоблю шарманке в руке скитающегося иностранца». Эти слова Козьмы Пруткова, как мы видим, не устарели.

Давайте подведем итоги. Бесспорно, отечественные монмартры стали своеобразным окном в мир искусства, привлекли внимание к художественному творчеству тех людей, у которых знакомство с искусством не шло дальше вырезок из иллюстрированных журналов. Но...

Профессионалы негодуют: «Это же падение, начало конца для художника, я буду умирать с голоду — не сяду, как девочка, на панели...». «Я хочу уважать себя как художника...». «Лучшие работы мы сюда не несем...».

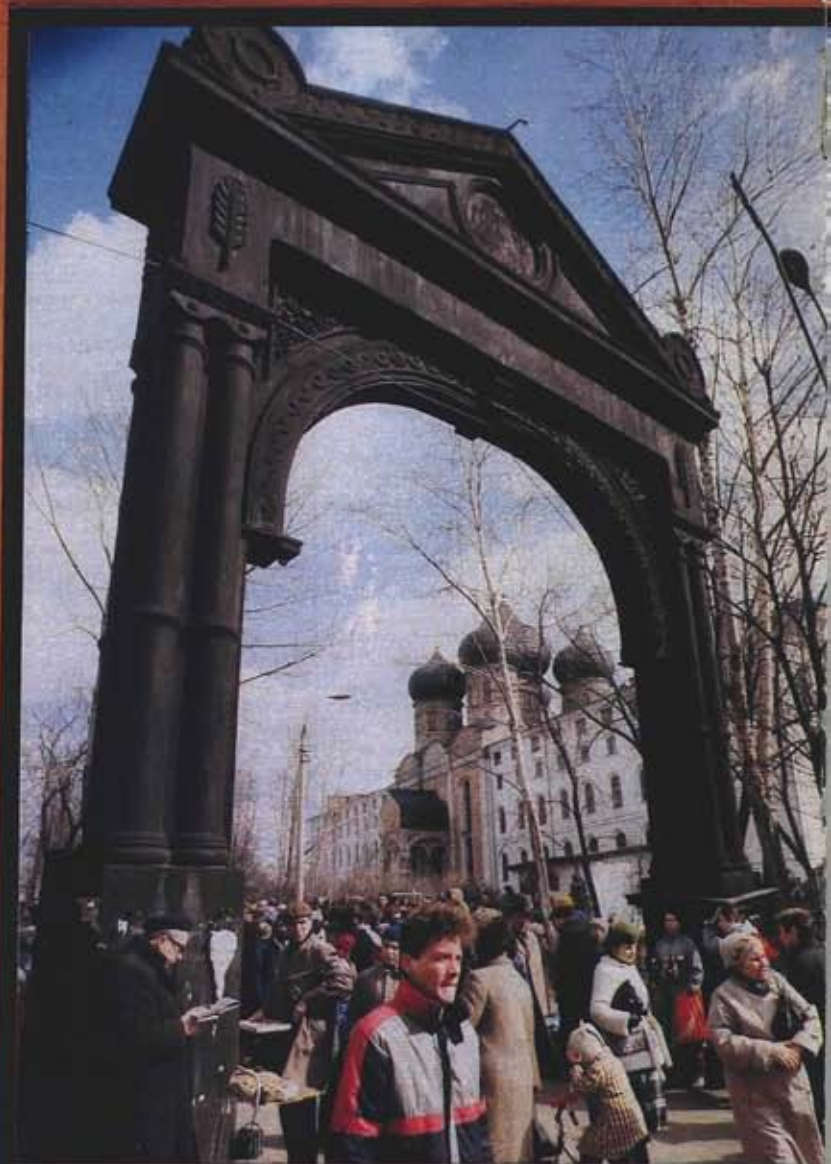
Можно говорить, что это позиция эстетов, замкнувшихся в башне из слоновой кости, но, как бы то ни было, именно эти художники определяют и поддерживают высокий уровень отечественной культуры. И если они будут продолжать бойкотировать народные вернисажи и ярмарки, то как бы не получилось, что их место займут люди более гибкие и податливые, не стесняющие себя жесткими эстетическими рамками. Этакие добродушные халтурщики, готовые работать по принципу «чего изволите?».

...Напрасно читатель ждет от нас каких-то конкретных рецептов. Давайте вместе подумаем, как сдерживать бег быстрого Меркурия, совершенно незаменимого в торговле, но вряд ли желанного гостя на празднике муз.

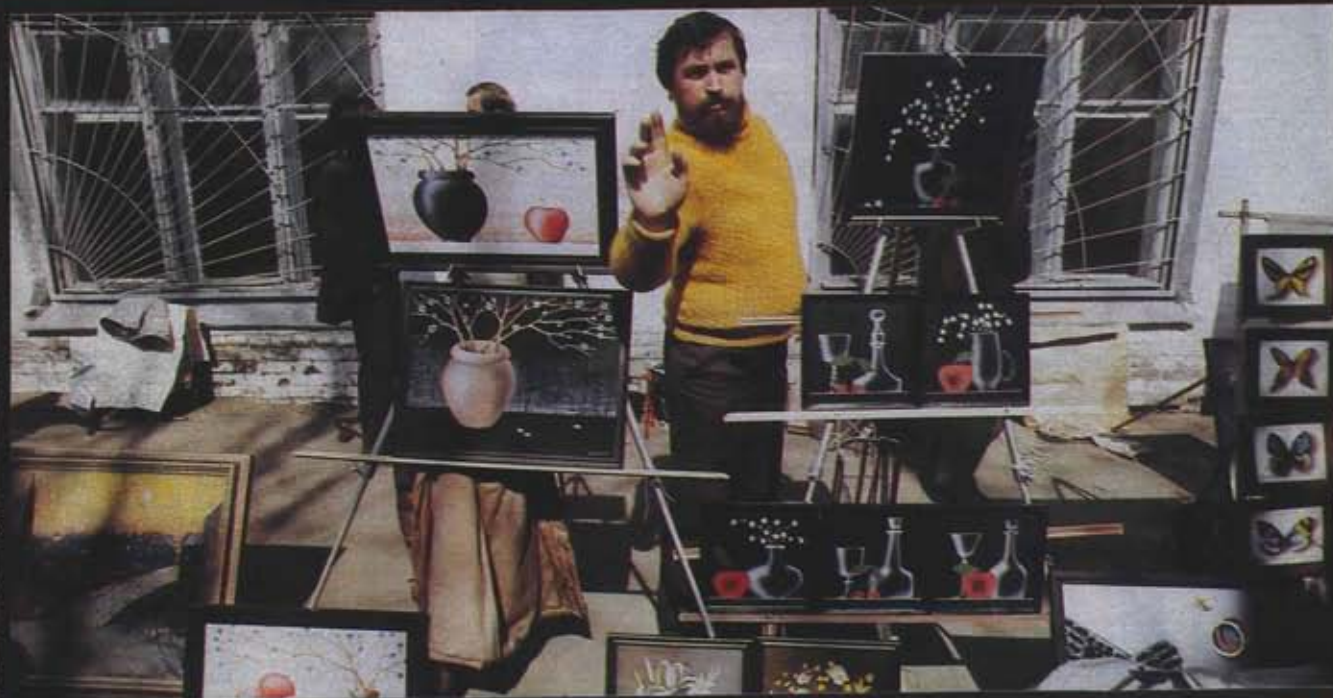
А пока что...

— Хорошо идут идиллические пейзажи и примитивизм, — откровенничает завсегда Измайлова.

НАТЮРМОРТ

ОРТ С ЧЕРВОМЦЕМ

Торжище...

Кому подойдет,
тот купит.

Продукция «на потоке».

Железный аргумент.

Дешево, быстро
и... похоже.

Вот и выгодный клиент.

Фото Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

Летним вечером 1976 года на одном из центральных перекрестков Гомеля остановился человек. Истериично визжали тормоза, надрывно голосили клаксоны, а он — ни с места. Когда же самые нетерпеливые из моторизованных сограждан стали «ненормального» объезжать, тот вдруг рванулся вперед, рискуя попасть под колеса. Правда, все обошлось. И обладателям колес было в тот момент невдомек, что им наперерез с невиданной скоростью мчалось совсем иное «колесо»...

С работы он возвращается пешком. Идет не спеша. Во время этих прогулок и осеняют его безумные идеи. Была, скажем, такая: от каждого бруска мыла в хозяйстве остается обмылок. Значит, около десяти процентов мыла попадает в отходы. Дело вроде копеечное. Но в масштабах страны убытков — на миллион. А что, если внутрь бруска вставить кусочек пенопласта? И мыло можно использовать целиком, и в ванне оно не утонет... Мелочь? Мелочь. Особенно в сравнении с идеей, которая, прямо-таки «оглушила» его, скромного инженера дорожного стройтреста Анатолия Юницкого, в тот памятный день.

Рядом притормозил автобус, и Анатолий подумал: не успеешь разогнаться, а уже остановка — сколько энергии впустую тратится! Прикинул — не меньше половины. Значит, хорошее дело предлагает московский профессор Нур-

Юницкий попытался встать и... очнулся. Он сидел за столом, уронив голову на кипу листов с чертежами. Светало...

А. Силин, доктор технических наук, заведующий лабораторией контактного взаимодействия твердых тел ВНИИ оптико-физических измерений.

Это глобальный проект, который требует рассмотрения не только с технической и экономической точки зрения, но и с позиций всего человечества, поскольку он требует объединения усилий многих людей. С точки зрения физики — это проект корректный и не вызывает никаких сомнений. За внешней простотой главной идеи и совершенно необычным ее конструкторским воплощением — глубокое понимание сути поставленной задачи и смелое, свободное от гнета традиций инженерное воображение, помноженное на отличную осведомленность в самых последних новинках различных отраслей техники.

На работе, уловив свободную минуту, Анатолий поделился замыслом с товарищем, начальником отдела стройуправления.

— Идея хороша, — сказал Олег Криво. — Хотя как такая махина полетит — представить трудно. Знаю-знаю, ты вспомнишь, как говорили, что паровоз забуксует на гладких рельсах, а самолет не поднимется, потому что тяжелее воздуха... Но я — практик. Зачем строить невзвешенное? Тут на земле еще вон

СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ,

Виктор ЖУК

ИЛИ ШАНС ДЛЯ ПОТОМКОВ

бей Гулиа — аккумулятор нового типа: с маховиком. Если соединить его с тормозным механизмом, энергия перебежит на маховик, а потом, при разгоне — обратно на колеса. Вот только мощность такого аккумулятора ограничена скоростью, с которой вращается маховик. Для автобуса она, возможно, больше и не нужна. Но есть техника со скоростями сверхзвуковыми, и маховик там попросту развалится. Начиная от центра — с вала. А что если вал убрать? Хотя почему только его? Наибольшая скорость вращения — по окружности маховика, вот и оставим один ободок. Чем-то его надо держать. Что ж, используем магнитный подвес. Ну а как раскрутить? Можно линейным электродвигателем, вроде того, что в поездах на магнитной подушке.

Но емкость накопителя зависит и от размера маховика. Чтобы накопить энергию, например, для одного дома, нужен маховик диаметром метров десять, а для города — целый километр. И это не «колесо обозрения», в вертикальном положении его не удержишь. Оно должно лежать на земле. Если же сделать такой аккумулятор для удовлетворения нужд всей страны, то диаметр «кольца» увеличится настолько, что оно зацепит океан. Ну, а если для всего мира?.. Да обод же попросту «наденется» на земной шар! Но уж тут предел: максимальный размер зависит от длины экватора. В резерве только скорость маховика. Если разместить его в закрытом корпусе, из которого откачать воздух, то сопротивление движению сведется к нулю, и скорость можно развить запредельную. Три, пять, восемь километров в секунду!.. Вот тут Юницкого прямо-таки встряхнуло: да ведь это уже первая космиче-

ская скорости! Весь маховик станет невесомым, и в нем появится подъемная сила...

— Ай да Юницкий! — воскликнул Анатолий и как инженер, знакомый с патентным делом, добавил: — Ай да Мюнхгаузен!..

Конечно, потянув себя за волосы, Мюнхгаузен мог вытянуть разве что собственную шею. Ведь за счет внутренних сил он пытался оторвать центр своей массы от земли и тем самым покусался на законы физики. Но «кольцо» опоясывает Землю, центр его массы совпадает с центром массы Земли. И как бы ни расширялось оно в стороны от экватора, положение его центра относительно центра Земли не изменится...

Анатолий понял, что вместо аккумулятора нашел нечто иное — надземное средство передвижения.

...Вокруг Земли по экватору тянется эстакада, похожая на железнодорожный мост. Бетонные опоры — их высоту определяет рельеф местности — шагают через доли и горы. Переправу через водные преграды Юницкий наводит с помощью японских инженеров, которые в прошлом проектировали аэропорт на море с дрейфом не более одного сантиметра. Здесь опоры стоят на платформах-понтонках, а те крепятся якорями за океанское дно. В опорах размещаются энергетические подстанции и административные помещения, жилье, коммуникации и прочие службы, обеспечивающие бесперебойную работу общепланетного транспортного средства (ОТС — так сокращенно назвал Анатолий свое изобретение).

С виду ОТС — обычная стальная труба большого диаметра, что лежит на эстакаде. Часть внутреннего простран-

ства трубы занимает вакуумный канал, в котором сердце системы — маховик. Точнее, два маховика. Все остальное место — для полезной нагрузки.

«Контакт? Есть контакт!» На ОТС подается ток, и маховик начинает разбег по ободу трубы. Когда скорость достигает той, с которой летают над Землей спутники, маховик становится невесомым. А ускорение продолжается. И вот — откидываются стартовые держатели, и Анатолий чувствует, как земля уходит из-под ног... Непосвященный наблюдатель вряд ли поймет, с чего это вдруг взмывает в небо труба. Но Юницкий представляет, как все огромное «колесо» — 40 тысяч километров в окружности — постепенно увеличивается в диаметре, растягивается... Размеры трубы таковы, что достаточно ей растянуться на полтора процента, и удаление от Земли составит 100 километров.

ОТС проходит самый трудный участок пути — атмосферный, а сила, что прижимает Анатолия к спинке кресла, не больше, чем при взлете обычного самолета. И никаких тебе перегрузок, не то что в ракете. Ведь удаляется «колесо» от Земли со скоростью автомобиля.

В пассажирском салоне стоит тишина. Маховик не грохочет на стыках: он бежит в магнитном поле, не касаясь стенок канала... Анатолий испытывает непривычную легкость во всем теле и, взглянув в иллюминатор, замечает, что облака остались далеко внизу. Высота — 300 километров. Окружность «кольца» увеличилась на пять процентов. Запас хода еще остается: сталь выдерживает растяжение как минимум до двенадцати процентов. ОТС вышло в открытый космос.

сколько дел. А для полетов в космос есть ракеты. «Колесо» лучше? Докажи.

И Юницкий перевернул исчерпанные ватманские листы чистой стороной.

Аргументы он находил на той же самой улице, по которой ходит каждый день на работу. В безветренную погоду на ней хоть противогаз надевай: тянется бесконечная вереница машин, чадят неподалеку заводские трубы. «По-черному» топим, — думал Анатолий, — дым и сажа остаются в нашем общем доме. Ну, а что делать? Чтоб крутить колеса на земле, нужна энергия. Ради нее в конечном счете добываются и перерабатываются уголь, газ, нефть...

Вот и в Гомельском аэропорту всегда толпятся нефтяники — летают на месторождения Тюмени. Добираться на работу за тысячи километров, конечно, накладно. Только авиационного топлива, говорят, сожгли за несколько лет работы вахтовым методом столько, что строительство нового города размером с Гомель обошлось бы дешевле... Но не будь этой нефти — не будет полноценной жизни и в Гомеле.

Энергетика — кровеносная система общественного организма. И требует она сегодня доброй половины всех общественных затрат. А завтра? Ведь источники сырья истощаются. Растет и уровень загрязненности нашего дома. Да так быстро, что вот-вот станет этот дом для жизни непригодным. Экологи утверждают: чтобы познать последствия третьей мировой войны, война, собственно, и не нужна. Просто надо еще лет 50 жить и работать так, как сейчас...

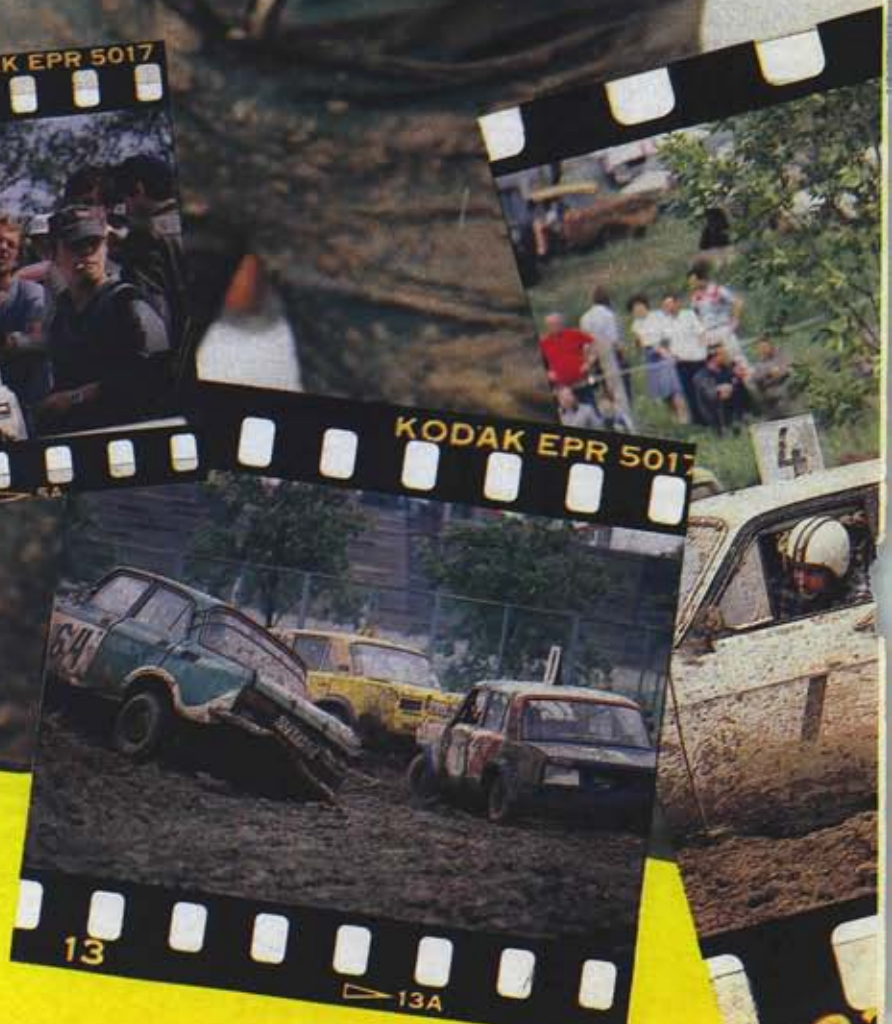
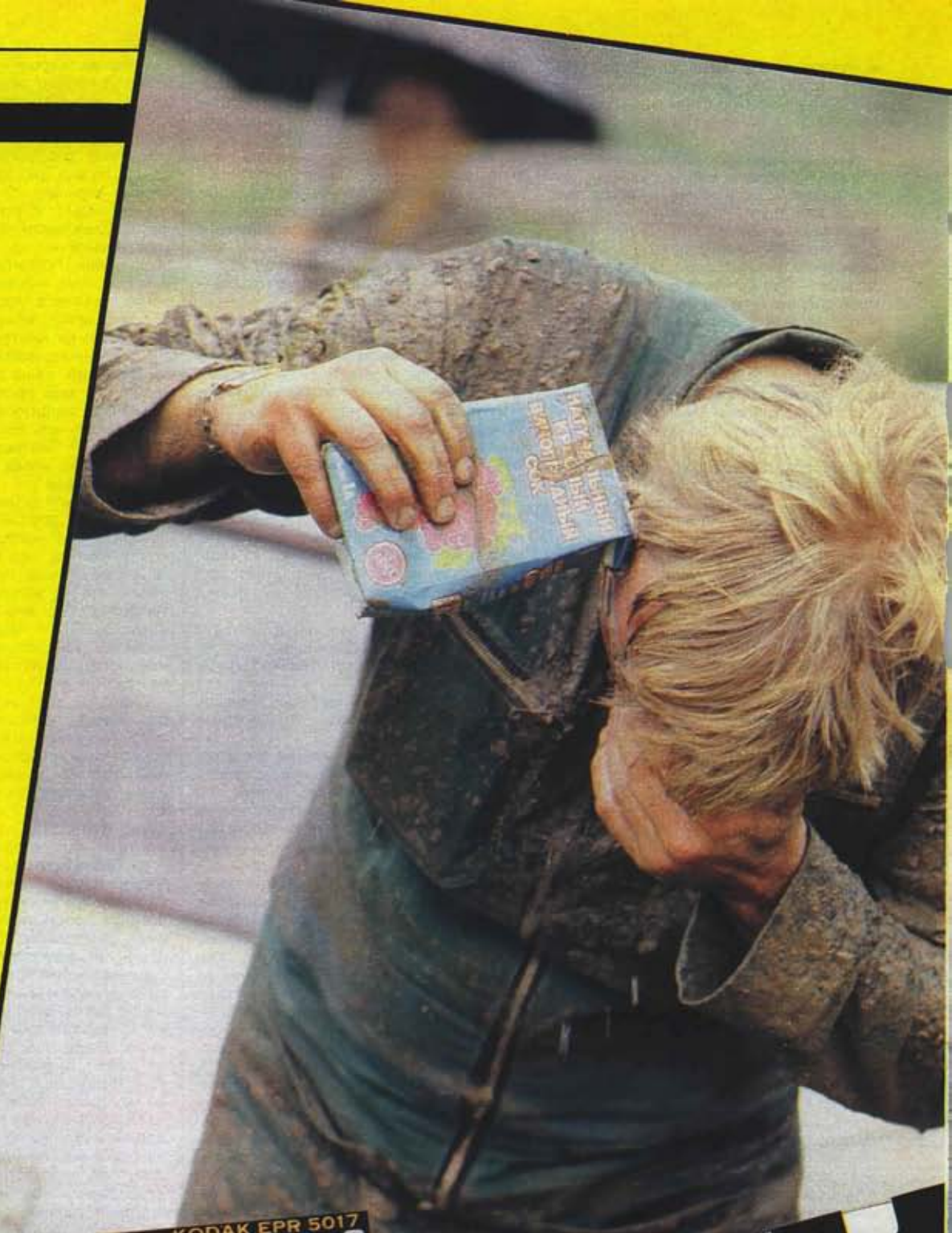
Что-то надо круто менять. Но что? Это только пенсионерам, что судачат у подъезда дома, где живет Юницкий, все ясно: убрать атомные станции

Игорь КОНОНОВ

Еще два месяца назад здесь была огромная свалка, оставшаяся от строительства спорткомплекса и гостиницы. Сейчас на этом месте в рекордно короткие сроки проложена первая в стране специальная трасса для кроссовых автогонок. Авторами этой идеи стали хозрасчетный спортивно-технический клуб «Планета» и спортивно-зрелищный комплекс «Измайлово», а непосредственными исполнителями — сами гонщики, свободные от работы вечера и выходные дни проводившие на стройке, правдами и неправдами доставая бульдозеры и грейдеры, песок и гравий. Впрочем, «правдами» было больше, потому что ребята представляли ДОСААФ, СКА МВО, автохозяйства... И вот первая гонка, праздник открытия трассы.

...Мотор взвыл, и из-под задних колес метнулась липкая грязь. Скорость вдавила меня в сиденье, и на миг исчезла способность двигаться — ощущение, сходное с тем, когда самолет проваливается в воздушную яму. Но «жигуленок» крепко цепляется за грунт шипованной резиной, и только на виражах задние колеса стремятся обогнать передние. Эту раз за разом повторяемую попытку гонщик Михаил Петрузов уверенно пресекает, резко бросая руль то вправо, то влево и успевая при этом переключать передачи.

Фото Владимира Чейшвили

В другое время я бы полюбился точными движениями гонщика, мужественной красотой и изяществом, с каким он держит машину на трассе, но сейчас не до этого. Едва сорвавшись со старта, несколько автомобилей сразу же засели в огромной луже. Надсадный рев двигателей перекрывает усиленный динамиками голос комментатора, а бешено крутящиеся колеса зарываются все глубже и глубже в глину. «Отъездились», — кивает на них Михаил, — поленились усиленные пружины поставить».

В идеале для автокросса требуется отнюдь не бездорожье, а тщательно подготовленная, специально спланированная трасса, где твердая накатанная дорога чередуется с участками песка и глины. Такой она и была задумана в «Измайлове», но в тот день вся предварительная подготовка пошла насмарку, потому что целую неделю до соревнований лил дождь и почти каждый из тысячи шестисот метров дистанции превратился в болото. Такие условия диктовали особую стратегию и тактику, и козырем становилось не просто умение «давить на педаль», а невидимый зрителю, малопривлекательный для романтиков труд по подготовке машины к гонке. Мелочей здесь не бывает, и за каждую не до конца затянутую гайку, за любое упование

на «авось» расплата неминуема.

Гонка продолжается. Уже есть лидеры и аутсайдеры. Стрелка тахометра нашей машины дрожит за красной отметкой — обороты предельные. Безостановочно работают «дворники» и все равно не успевают смывать грязь с лобового стекла. А у «Москвича», что пытается обойти нас на вираже, щетка отскочила, и он, «слепой», вылетает на земляной вал, ограждающий трассу. Тут же ему в багажник с характерным грохотом «въезжает» автомобиль с номером «1» на борту. Но разглядывать, что там случилось, некогда. Только вперед!

Двадцать ревущих железных коробок, растеряв в грязи и на ухабах свою врожденную элегантность, рвутся к финишу. Только быть первым, любой ценой, но первым! Круг за кругом — и все меньше претендентов на победу. Как же переменчива гоночная фортуна! Не выдержал лидер — из-под капота повалил пар: выкипела вода, и нечем охладить раскаленный мотор. Спекся... Кто же теперь, кто? Последний круг... И вот он, финиш.

В закрытом парке гонщики снимают шлемы и подставляют потные лица под струи воды. Механики суетятся вокруг машин — скорее что-то заменить, что-то исправить, ведь впереди еще один старт. Но для кого-то

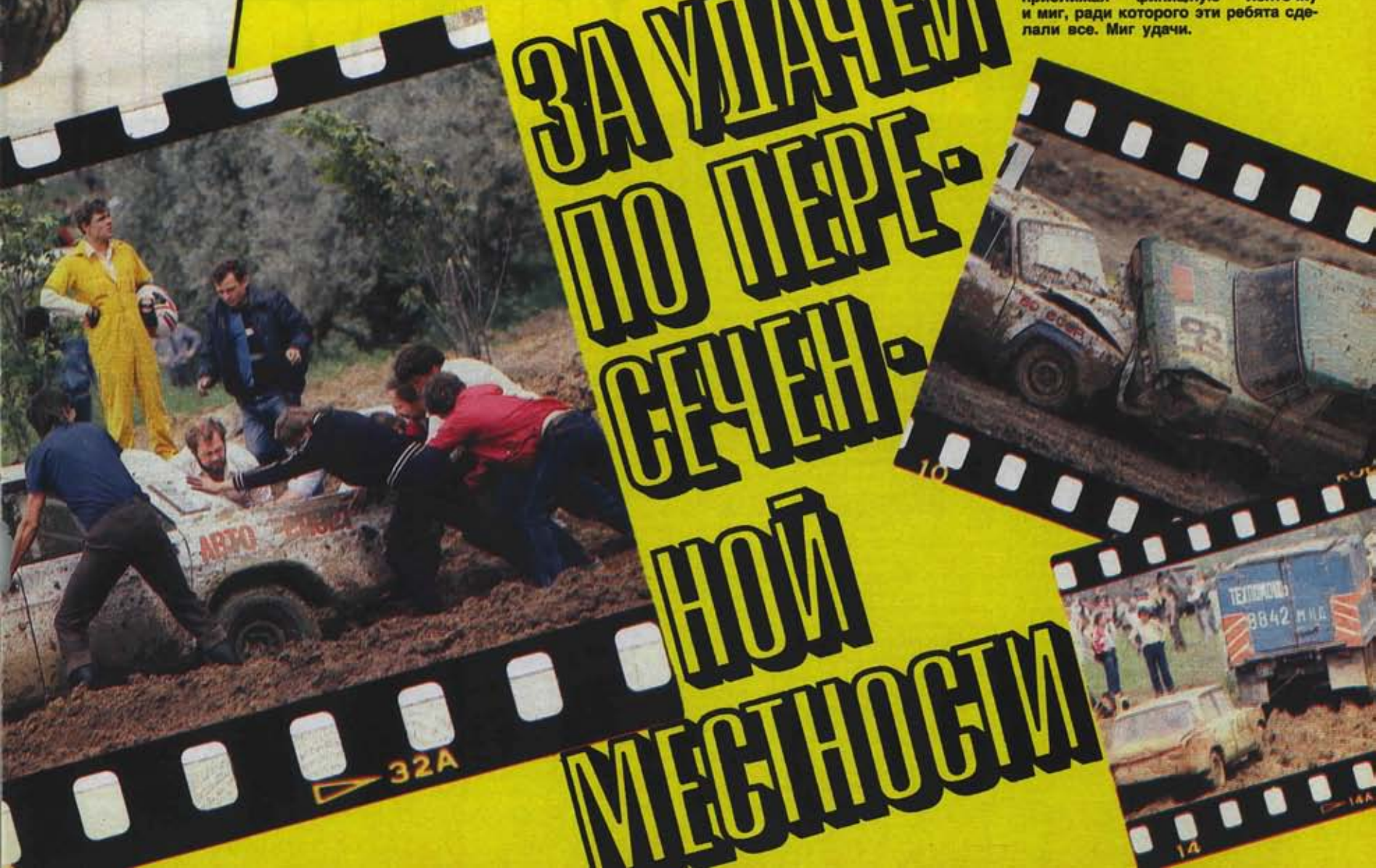
прошедшая гонка стала на сегодня последней: возможностей передвижных «техничек» не хватает, чтобы вернуть разбитые машины к жизни. Михаил Петрузов поднял крышку капота, и на нас пахнуло мартеповской печью. Раскаленный двигатель потрескивал, и не верилось, что через час он будет способен вновь перенести эти нагрузки. Механик Серега цокал языком, разглядывая рваную рану на боку машины. И зачем все это нужно?

— Как зачем? — удивляется вопросу Петрузов. — Автокросс — это ведь испытательный полигон. Мы создаем здесь экстремальные условия и проверяем в них любые новшества: узлы, агрегаты, новую резину, новую форму кузова. На трассе видны все недостатки автомобиля, но беда в том, что к нам они попадают уже после начала серийного производства, когда менять что-либо уже поздно. А должно быть наоборот, как делают ведущие автомобильные фирмы: сначала спорт, потом серийное производство.

Да, автокросс — это далеко не гонки на «Формуле-1» по гладкому, как полированный стол, шоссе. Я пытаюсь представить себе на кроссовой трассе обычный серийный автомобиль — переливающийся лаком красавец, на котором так приятно чувствовать свою независимость от давки в метро в час пик. Вряд ли бы он добрался здесь до финиша. Я спросил об этом Михаила, и его заключение прозвучало безапелляционно: «Двигатель заклинит еще до конца первого круга».

А на трассе вновь выбиваются из сил моторы, и километр за километром накручивается на спидометр, приближая финишную ленточку и миг, ради которого эти ребята сделали все. Миг удачи.

ЗА УДАЧЕЙ
ПО ПЕРЕ-
СЕЧЕН-
НОЙ
МЕСТНОСТИ

Сергей ВЕТРОВ

Фото автора

...ПОТОМУ ЧТО ОНИ

По своей воле сюда никто не приходит. Сюда привозят насильно тех, кто уклоняется от лечения. Порядки строгие: решетки, никаких прогулок, никакого общения с противоположным полом. Но — никуда не денешься — всюду жизнь! Вот и здесь, хоть убейся, надеются, любят, страдают.

Женщины на втором этаже, мужчины — на третьем, входы-выходы перекрыты, но можно взять веревочку, смастерить крючок, прицепить запяточку... Девчонки дали мне почитать эти послания: «Я увидел тебя, когда ты выходила из карцера, и понял, что не могу без тебя жить»... «Я так надеялся, что ты меня любишь, неужели ты обманываешь меня»...

Больные гонореей, сифилисом. Они не могут и не хотят жить без любви и надежды. Потому что они — люди.

Говорят, что проституция — это первая древнейшая профессия, а журналистика — вторая. Мрачное темно-красное здание на задворках рынка хорошо известно представителям обеих древнейших профессий.

В газетах вдруг замелькали заголовки: «Милиция нравов делает первые шаги в Риге», «Создано первое в стране подразделение по борьбе с проституцией»...

Имитировать любовь за деньги, конечно, нехорошо. Дезинформировать читателя и получать за это гонорар — не лучше. Никакой «милиции нравов», никакого «специального подразделения» в Риге нет. Темно-красное здание с решетками на ок-

нах — обыкновенный приемник-распределитель, каких в стране сотни. И функции у него самые обычные: найти бродяжек, попрошаек, других горемык, установить их личность, если больные — отправить на лечение, а потом попытаться адаптировать. Проще — пристроить на работу, в общежитие. Сделать это совсем не легко — альтруистов, особенно среди директорского «корпуса», сейчас мало. Но не мытьем, так катаньем сотрудники приемника возвратили обществу сотни бомжей. Казалось бы, все в порядке, колея накатана, осталось развесить почетные грамоты и снисходительно делиться передовым опытом. И тут коллектив приемника решил резко раздвинуть рамки своей деятельности — поставить под контроль всех рижанок «группы риска» — от бродяг до интердевичек.

Что сделал бы нормальный руководитель, затевая такое дело? Пошел бы выбивать ставки, оклады, транспорт... Начальник приемника подполковник Марк Дубовицкий предложил коллективу, минуя все формальности, начать борьбу с проституцией в свободное от основной работы время. Кажется, такого в нашей милиции еще не было. Работать без приказа, делать то, за что денег не платят... Какие-то «неформалы» с погонами.

Мы определили две цели, — говорит Дубовицкий. — Первая — поставить заслон распространению венерических заболеваний: ведь ясно, что портовые прибалтийские города

могут стать основными каналами проникновения СПИДа в нашу страну. А вторая — воспрепятствовать вовлечению в этот промысел несовершеннолетних. Как видите, задачи сложные, на общественных началах их не решить. Нужен профессионализм. Нужен системный подход. Нужна индивидуальная работа с каждой женщиной из «группы повышенного риска». Нам здорово помог Указ Верховного Совета СССР о мерах по борьбе со СПИДом. Он дал возможность теснее объединить наши усилия с усилиями медицины. Теперь устраиваем совместные рейды с сотрудниками спецвендиспансера. Но, конечно, мы только в начале пути, ведь работа началась меньше года назад. Сделано не так много, как хотелось бы...

Его неудовлетворенность можно понять, но справедливости ради скажем — сделано много. На каждую легкомысленную даму заведен ДОП — «Дело оперативной проверки». Я листал эти дела: фотографии, протоколы, объяснительные, показания свидетелей, справки с места работы, медицинские справки... Из сотен «ДОПов», собранных сотрудниками приемника, складывается подробная и объективная история социальной болезни. Не изучив ее, нельзя приступать к лечению.

Мы так долго игнорировали существование проституции, — продолжает Марк Дубовицкий, — что начинаем практически с нуля. Собственного опыта нет, с зарубежным знакомы плохо... Да и подойдут ли нам их

методы? В Штатах шериф запикивает проститутку в автобус, вывозит за пятьсот миль от своего города и бросает на дороге...

Я мог бы напомнить Дубовицкому, что из Москвы перед Олимпиадой тоже вывозили ненадежных девчонок подальше от Олимпийского Мишки — за сто первый километр. Это стало сюжетом нашумевшей пьесы Александра Галина «Звезды на утреннем небе».

В письмах, что сегодня приходят и к Дубовицкому, и в редакции газет и журналов, предлагаются все те же универсальные средства: тюремная решетка, колючая проволока... Двести пятьдесят лет назад вся Англия рыдала, читая роман Дефо о несчастной проститутке Молль Флендерс, которая «под конец стала жить честно и умерла в раскаянии». Призыв о «милости к падшим» — лейтмотив великой русской литературы. Почему же сейчас нет в нас чувства боли, вины, сострадания? Неужели СПИД и милосердие несовместимы? Такие мысли неизбежно возникают, когда читаешь о «необходимости полной изоляции», об «использовании на самых тяжелых работах», о том, что «при Сталине этого не было»...

Это — неправда, проституция существовала во все времена.

...Пока я читал письма, в кабинете Дубовицкого собрались участники очередного совместного рейда. Часть в белых халатах — врачи из кожендиспансера, другие, естественно, в милицмейской форме. Инструктаж

ведет заместитель начальника Петр Закутаев:

— С восемнадцати до двадцати часов — четвертая и третья категория, потом — вторая, с двадцати трех — первая. Старшая поисковой группы — Галина Ванышева.

Для читателя, недостаточно хорошо знакомого с «горизонтальным бизнесом», объясним: первая категория — «интердевочки»; вторая — «совпроститутки»; третья — «плечевые»; четвертая — «вокзальные». По ходу рейда мы познакомились с ними ближе.

Группа усаживается в «скорую помощь», причем люди в форме так, чтобы их не было видно, и рейд начинается.

...Машина резко тормозит на привокзальной площади, и тут же раздаётся истошный крик:

— Менты!

«Четвертая категория» пускается

наутек. Стартовая скорость у них невысокая. Изможденные, больные, с проваленными носами, они покорно забираются в машину, начиная свой привычный круг: камера приемника, вендиспансер, ЛТП, попытка устроиться на работу, опять вокзал... Скорее, алкогольчики, чем проститутки, они отдаются за флакончик одеколона или зубного эликсира. За «фунфырик» — так они называют эти флакончики.

— Пьем все, что мокрое, — бесшабашно говорит одна из них, по кличке «Вокзал для двоих». У нее туберкулез, на вид лет шестьдесят, на самом деле — тридцать семь. Родителей не помнит, выросла в детдоме. Вышла из замкнутого детдомовского мира и растерялась. Молодая была, глупая. Пошла по рукам. Добрые дяди кормили, поили. Не успела и глазом моргнуть, как оказалась на самом «дне». Чувствует, что скоро

умрет. «Вокзальные» долго не живут. Да и что за смысл цепляться за такую жизнь... Приемник для нее — дом родной, а Галя Ванышева — вроде строгой сестры. Единственное, что беспокоит, — как бы спрятать недопитый фунфырик. Или быстро допить прямо тут, в машине? Она тихо-тихо достает флакончик...

— Ты что делаешь? — У Ванышевой хорошая реакция. — Здесь и так дышать нечем!

Да, «рафик» явно не рассчитан на такое количество пассажирок. В кабине витает причудливая смесь запахов: пот, одеколон, моча, перегар.

— Хватит, — решает Галина, — поехали в приемник, сдадим эту группу и займемся «дальнобойщицами»...

Для погони за «плечевыми» или «дальнобойщицами» машина оказалась не нужна. Приемник находится рядом с центральным рынком, рефрижераторы, которые привезли сюда

фрукты и овощи, стоят прямо под окнами, водители копаются в моторах, а вокруг них трутся эти лягушки-путешественницы, готовые мчаться куда глаза глядят в кабинах МАЗов и КамАЗов, даря радость общения за котлету в столовке на обочине, за какое-нибудь белишко. Шоферы — народ серьезный, деньгами швыряться не любят, но относятся по-человечески. Мир для «плечевых» сужается до размеров кабины.

И сегодня в «Риге» — «спецобслуживание»...

На столе у Виновида Буяка — «вещдоки».

Галина Ванышева и ее коллеги.

«Трезвая? Ну, это проверим...»

Этот «рыцарь» задержан.

А сколько валютчиков-сутенеров еще на свободе...

Привокзальная площадь: финиш.

ЛЮДИ

и на всех параллелях и меридианах одно и то же: пыль, пот, запах соларки...

Из окна приемника мне хорошо видны действия рейдовой группы. Около одного из большегрузов идет крупный разговор. Все оживленно жестикулируют. Позже выяснится, что водители всячески выгораживали двух своих будущих «пассажиров». Еще позже, в кофендиспансере, выяснится, что рейдовая группа уберегла сердобольных шоферов от весьма противной заразы.

...И вновь наша «скорая помощь» колесит по вечерней Риге. Пришло время «второй категории». Эти проститутки общаются с обеспеченными соотечественниками. Предпочитают мужчин с Крайнего Севера или бескрайнего юга. Клиентов называют «пассажирами». Это действительно пассажиры, приехавшие в Ригу в командировки или просто отдохнуть. Женщины, как правило, зрелые, в отличие от третьей и четвертой категории находятся под контролем сутенеров, которым отдают значительную часть заработка. Зато сутенеры защищают их от разных неприятностей.

Как выглядит эта защита, я узнал на себе: попытался сфотографировать этих девочек в ресторане на окраине, и через секунду оказался с заломанными руками в каком-то темном углу. Только вмешательство милиции спасло мой новенький «Никон».

Мир проституции — жестокий мир. Зрелые проститутки люто ненавидят конкуренток — «малолеток». Поэтому школьницы, пэтзушницы «пасутся» в своих, специально отведенных для этого местах. До последнего времени собирались в кафе «Лацилис». Великое таинство осуществляли прямо в туалете. Условия, конечно, антисанитарные, зато и цены за вход в этот храм любви были вполне доступны: трешка, пятерка. Под давлением прогрессивной общественно-

сти туалет в кафе наглухо заколотили. Ничего, подворотен много, хотя в туалете было, конечно, уютнее...

Сейчас штаб юных дарований переместился в сквер рядом с цирком. Начальница штаба — кудрявая восемнадцатилетняя Ира. Вареные джинсы, белая кофточка, маленькая сумочка. В сумочке — косметика и острый ножик. В глазах — готовность пустить нож в дело. Ира, несмотря на юный возраст, смекнула, что гораздо выгоднее продавать других, чем торговать собой. И стала во главе такой крохотной, полудетской мафии. Они отыскивают тихих, забытых, безвольных девочек, запугивают их до потери пульса и дают напрокат пожилым ценителям юности. С одной из Ириных жертв я познакомился в закрытом вендиспансере. Тане тоже восемнадцать. Убежала из дома («не убежала, а ушла», — повторяла девочка), в общем, убежала, ушла — не важно. Главное — оказалась в боевых порядках Ириной гвардии. Для начала ее хорошенько поколотили, а потом пустили по рукам. Сколько за нее платили, не знает — Ира брала все деньги себе. Клиенты были в основном торговцы с рынка, и Тане иногда перепал огурец, или яблоко, или абрикос. Так она прожила неделю. А потом к Ире подкатился старичок-пенсционер и предложил за пятьдесят рублей продать ему Таню «насовсем». Ира подумала и согласилась. Лысый друг детей утащил Таню в свою нору. Он оказался извращенцем и вытворял с девочкой такие гнусности, что на третий день Таня пересилила страх и сбежала. Возмущенный старикан потребовал от Иры восстановить справедливость. Насовсем — значит насовсем. Ира и еще три девочки поймали Таню, увезли в лес и стали пытать. Били ногами, загоняли иголки, тушили окурки о кожу. Она потеряла сознание от страха и боли, а когда очнулась, была уже ночь. Вышла на шоссе

и стала голосовать грузовикам. Решила податься в «плечевые», уехать далеко-далеко, чтобы Ира никогда ее не нашла. Сотрудники приемника подобрали ее, отвезли в этот диспансер. Таня не хочет отсюда уходить. Здесь крепкие решетки на окнах, здесь спокойно. Здесь ее Ира не достанет...

Рейд продолжается. Пришло время первой категории — интердевочки. Впрочем, пока команда Дубовицкого металась по городу в поисках бродяг, «плечевых» и «малолеток», «интерши» находились под наблюдением конкурирующей организации: специального оперативного подразделения уголовного розыска по обеспечению безопасности иностранных граждан. Сокращенно — СОП. Отношения между этими двумя подразделениями складываются непросто: знатоки международных нравов из СОПа без восторга относятся к вторжению на их территорию сотрудников приемника, те отвечают той же монетой. Не будем вдаваться в подробности, скажем только, что отсутствие координации усилий идет не на пользу делу.

Гостиница «Рига» — место работы инспектора уголовного розыска Виновида Буяка. Пока рейдовая группа пьет кофе в буфете, мы сидим с Виновидом в его крошечной комнатке на первом этаже гостиницы. Буяк — не новичок, знает всех интерпроституток Риги и по именам, и по кличкам.

Сегодня в гостиничном ресторане — аншлаг. В город приехала большая группа финских туристов. Таблички «Свободных мест нет» и «Спецобслуживание» для «интерш» не преграда. Недавно «Советский экран» напечатал на обложке игривый призыв «Ищем интердевочку!». А чего ее искать? Вот они, все здесь: Тортила, Муха, Горбатая, Заика, Утка, Рабочие Губки, Универмаг... А вот и Белая Лошадь поскакала к своему столику. Я узнал ее сразу:

утром начальник СОПа Геннадий Рыжников показал мне фривольный финский журнальчик «Ратто». Белая Лошадь занимает там достойное место, иллюстрируя статью под заголовком «Рига — это маленький Париж». В статье Ригу хвалят: и выпивки хоть залейся, и девочки веселые и недорогие. Вообще-то все мы любим, когда нас хвалят за границей. Но тут чувства законной гордости я не испытал.

Атмосфера в ресторане становится все более теплой. Дружба народов постепенно переходит в любовь. В качестве амуров выступают рижский бальзам, русская водка и некоторые официанты. Проститутки нахально делают глазки Буяку. Уверены в своей безнаказанности? Как написал бы Юлиан Семенов, «они еще не знали, что...»

Действительно, они еще не знают, что Галя Ваньшева и ее коллеги уже допили кофе. А у Буяка сегодня своя работа: СОП вместе с оперотрядом горкома комсомола начинают операцию по захвату нескольких крупных спекулянтов-валютчиков. Выходы из гостиницы блокированы дружинниками. Валютчиков нужно взять с поличным. Впрочем, это тема для другого репортажа, хотя все взаимосвязано: не будет валютчиков — не будет интерпроституток. Нельзя сказать, что валютчики дают девочкам особенно разбогатеть. Доход средненький, а риск смертельный: ведь все они — потенциальные жертвы СПИДа. Понимают ли это? Трудно сказать...

В крупных городах США восемьдесят процентов проститутки заражены СПИДом. По прогнозу Всемирной организации здравоохранения, через три года число вирусоносителей на земном шаре достигнет ста миллионов. Сколько миллионов придется на нашу долю? Думаю, этого не знает никто.

Окончание на 31-й стр.

После ужина в ресторане — завтрак в кофендиспансере.

В ЗАМКОВОМ ДОВАННОМ

БУАЛО-НАРСЕЖАК

ПЕСОЧ

Она скрестила руки у горла, ее глаза блуждали в поисках чего-то неведомого.

— Он скрывается во мне... Мне часто хочется умереть. Как Мерлену и как де Дерфу! Порой мне кажется, что мои мольбы вскоре будут услышаны и я наконец обрету мир, спокойствие, а затем...

— Клер, дорогая, успокойтесь! Мне не нравится это ваше исступление. Рядом со мной вам нечего опасаться... А позже вы мне все объясните...

Обняв ее за плечи, я шел с ней по дозорному пути. Вокруг нас скользил легкий ветерок. По нагретым солнцем камням, словно язычки пламени, то тут, то там мелькали ящерицы. От наполнившей меня божественной радости я почувствовал, как воспрянул мой дух.

— Вы, как и я,— жертва одиночества,— прошептал я ей на ухо.— Эти величественные леса, эти мирные стоячие воды, эти травы, выросшие, словно лианы, и превратившие парк в какой-то дикий уголок,— вот что постепенно вызвало в вас ипохондрию, это мрачное и нелюдимое настроение. Но я намерен переделать замок Мюзияк. Я вырублю деревья, осушу пруд, а на том месте, где шумел тростник с камышом, зацветут лилии и розы. А сам замок...

Она покачала головой:

— Прошу вас, не усугубляйте мою печаль!.. Ах! Вот и отец.

И в самом деле, в замковой башне раздался голос барона. Я отошел от Клер на несколько шагов.

— Я никогда не покину вас, что бы ни случилось! — поклялся я.

Появился барон, идущий впереди жены, и потирающий руки нотариус.

— Мы пришли к согласию,— сообщил мне барон.— Вы можете гордиться, господин граф, тем, что нашли в лице метра Меньяна такого прекрасного союзника.

Я смотрел на его перевязанный палец, и его слова странным образом отзывались в моей голове.

— Я счастлив,— пробормотал я.— Лично я ничего не смыслю в подобного рода сделках...

— Нужно только подписать документы,— вмешался нотариус.— Я уже все подготовил.

— Ну что ж,— подытожил барон,— давайте спустимся вниз... Быть может, господин граф, вы хотели бы еще что-нибудь посмотреть?

В какой-то момент я в нерешительности замер, боясь показаться смешным.

— Да,— вымолвил я наконец.— Да... Я бы хотел еще осмотреть склеп под часовой.

— Склеп? — повторил барон.

Внезапно он остановился, и кровь отхлынула от его полнокровного лица, а его жена прислонилась к амбразуре, став такого же серого цвета, что и камень, поддерживающий ее. Клер же опустила глаза, и, несмотря на заливавшее нас солнце, они все трое, казалось, застыли, мучимые изнутри какой-то странной и смертельной болью.

— Это не к спеху,— поспешно добавил я.

— Да, это не к спеху,— повторил барон слабым голосом.

А затем, взяв меня под руку и ведя обратно, он добавил:

— Лучше оставить мертвых в покое.

— Как? Вам никогда не приходила в голову мысль спуститься в склеп? — спросил я.

— Я туда уже однажды спускался...

— И что?

— А то, что у меня нет ни малейшего желания спускаться туда вновь.

— Он что, оказался... слишком поврежденным?

— Все нет. Однако, поверьте мне, господин граф, что погребать мертвых столь близко от живых далеко не самая удачная мысль.

После этих слов воцарилось молчание, едва нару-

шаемое свистом ветра. Я вновь ощутил то тягостное чувство, столь взволновавшее меня в начале визита, и подумал, что барон, возможно, не согласился бы с предложением нотариуса, не будь у него каких-то определенных оснований. Почему этот человек, который раньше и не думал о продаже замка, столь поспешно принял мои предложения? Клер накануне сказала мне: ее родители терзались страхом... Мой взгляд без конца возвращался к пальцу барона, к тому самому пальцу, который я так глубоко ранил всего несколько часов назад. Нет, страх — это не объяснение, и тайна Эрбо, без сомнения, заключалась в чем-то гораздо более ужасном.

Запутавшись в своих мыслях и отчаявшись убедить свою любимую, я, желая умереть сам, следовал за бароном в гостиную. Нотариус утратил свою живость и, казалось, погрузился в какое-то мрачное размышление. Вынув из своего портфеля договор, он принялся отсчитывать деньги, в то время как мы с бароном ставили на пергаменте свои подписи. По правде говоря, я уже не понимал, сон ли это или же реальность. Во время нашего отсутствия в гостиную принесли поднос и бокалы. Барон налил нам старого вина, аромат которого я едва заметил. Совершенно напрасно я твердил себе: «Замок принадлежит тебе. Ты у себя дома. Прошлое — не в счет»... и все же я был опечален еще больше, чем на похоронах моей матери. Наконец нотариус уверенным жестом закрыл свой портфель.

— Разумеется, господин барон,— сказал он,— вы располагаете достаточной отсрочкой, чтобы забрать...

— Благодарю вас, но мы уедем с наступлением ночи.

Я попытался было возразить.

— Не настаивайте, господин граф,— продолжил он.— Я намерен уехать в Ренн, где мне предлагают одно очень интересное дело. С вашего разрешения, несколько позже я заберу некоторые вещи, которые мне дороги. Вместе с тем я был бы вам чрезвычайно признателен, если бы вы оставили ландо в моем рас-

поряжении еще на несколько дней.

Оценив его учтивость, я, в свою очередь, предложил ему оставить карету у себя навсегда, и мы расстались лучшими друзьями. В то время как метр Меньян прощался с бароном и баронессой, я подошел к Клер.

— Я тоже поеду в Ренн,— прошептал я.

— Я запрещаю вам это.

— Но я не хочу терять вас.

— А я не хочу выходить за вас замуж.

— Почему?

— Это секрет.

— Уверю вас, что я его раскрою.

— А я умоляю вас забыть меня.

— Ни за что!

Это были последние слова, которыми мы обменялись. Сильно взволнованный, я сел в кабриолет, и мы уехали из замка. В голове моей уже крутилась тысяча смелых планов. Я был готов, в случае надобности, выкрасть Клер. Я поклялся, что она будет принадлежать лишь мне и никому другому. Мое возбуждение в конце концов привлекло внимание нотариуса.

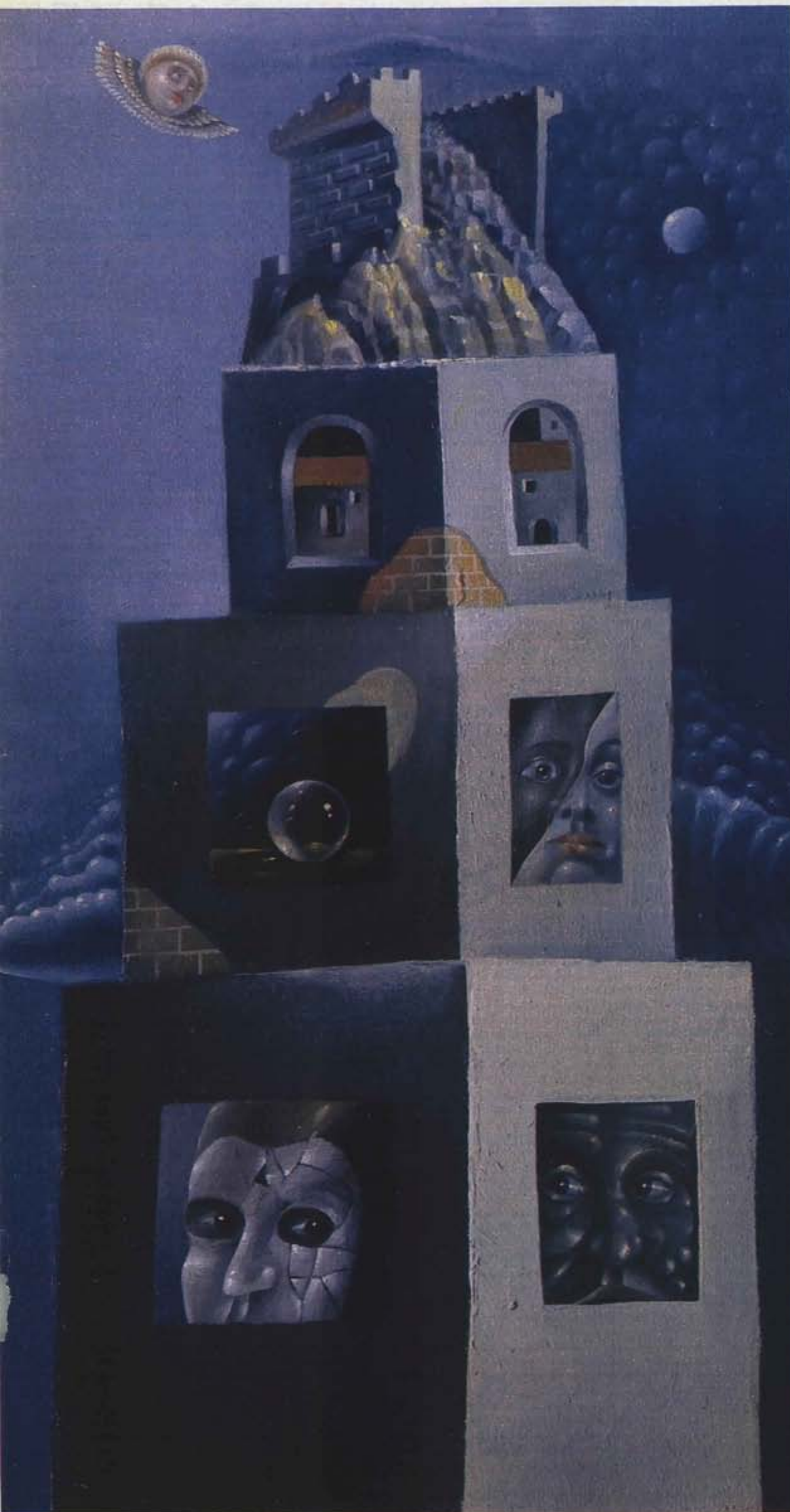
— Я вижу, господин граф, что вы испытываете то же впечатление, что и я... Странная семья, не правда ли?

— Да, странная.

— Я бы даже сказал: вызывающая беспокойство,— уточнил этот славный малый.— В их жилище царит... не знаю, как поточнее передать словами мое впечатление,— какая-то угнетающая вас атмосфера... Эти люди, похоже, живут иначе, чем мы с вами. Однако нельзя сказать, чтобы они были таинственными, нет... Должен даже признать, что барон весьма недурно разбирается в юриспруденции... Однако я бы все же не хотел пребывать в замке вместе с ними... Возможно, это смешно...

— Все нет. Я полностью разделяю ваше чувство... Была ли у вас возможность общаться с предыдущими владельцами замка Мюзияк, с этими Мерленом и де Дерфом?

— Нет. Никогда.

пристально рассматривать обоих мертвецов. Орельен лишь ранит барона в палец руки, выступающей за подлокотник, и, напуганный иллюзией, заставляющей его сомневаться в своем рассудке, стремительно убегает прочь... Думаю, что я ничего не упустила.

— Нет, все это, мне кажется, вы рассказали прекрасно.

— О, прошу прощения! Вот теперь я почти уверена в том, что все-таки добралась до истины. В сущности, все остальное кажется мне совершенно простым.

— Простым?

— Совершенно простым... Находясь так близко от цели, бандиты не стали бы отступать. Они не стали бы понапрасну совершать это свое тройное убийство. Если бы все затеянное ими дело обернулось против них, то у них всегда было бы достаточно времени, чтобы предпринять необходимые меры... Поэтому подложный Эрбо перевязывает себе палец. Помните визит на следующий день и неловкость так называемых замковладельцев, их испуг, когда граф неожиданно выразил желание спуститься в склеп... где, вероятно, лежали все три трупа. Даже нотариус почувствовал что-то неладное.

— Согласен! Однако эта девушка... Похоже, она вовсе не была созданием, способным на такое.

— Вот это самый деликатный и трогательный пункт в этой истории. Ее, вероятно, заставили играть ту роль, а она к тому времени уже успела влюбиться в графа... Должно быть, он был весьма обольстительным.

— Само собой разумеется! Как и все Мюзияки!

— Не перебивайте, не то я потеряю нить своих рассуждений. А, так вот... Граф сообщил, что он намерен перестроить замок, осушить пруд и благоустроить парк. Таким образом, создавалась опасность, что все его уголки будут перерыты.

О том, чтобы оставлять трупы на территории замка и парка, теперь не могло быть и речи. Необходимо было их увезти и закопать где-нибудь вдали от Мюзияка. Таким образом, трупы в тот же вечер грузят в ландо, а кучер садится на козлы. К несчастью, появляется ваш двоюродный прадед и открывает дверцу кареты. У Антуана не остается другого выхода. Он вынужден затолкать вашего предка в темноту кареты и... ну, остальное вам известно. Граф теряет сознание. Антуан привозит ландо к месту встречи со своими сообщниками. Что делать? Убить графа? Кучер и подложные супруги Эрбо, вероятно, так бы и поступили, будь они одни. Но Клер противится этому плану. Ведь она уже безумно влюблена в Орельена. Она остается подле него, мечтая довести свой роман до конца. Но представьте себе ее чувства, когда, став графиней де Мюзияк, она вновь оказывается в замке. Она постоянно терзается страхом, а возможно, и угрозами совести. Она, вероятно, не уверена, что устоит перед последующими испытаниями... Помните хотя бы мимоходом одну деталь: эпизод с комнатой мушкетера. Из него прекрасно видно, что Клер не знает замка, в котором ей никогда не доводилось жить.

— Признаюсь, все это меня взволновало... Вы умеете объяснять вещи... Давайте немного пройдемся.

Ален помог Элиан подняться. Сумерки сиреневым светом окутали руины замка, а в камыше тихонько квакали лягушки.

— Ваша версия, — продолжил Ален, — это логическая версия... Но посмотрите...

Они пошли вдоль стен с зияющими провалами. Кое-где кустарники просовывали свои ветви в окно. Над их головами летало несколько летучих мышей.

— А теперь представьте здесь Орельена наедине с его женой...

Молодые люди подошли к углу главного двора, заросшего травой и превратившегося теперь в настоящий луг, усеянный ромашками и лютиками. Стоя рядом, они внимательно осматривали руины слева от обрушившегося подъезда, где виднелись останки гостиной, а также нечто вроде темного погребца, заросшего колючими кустами. Вдруг одновременно они услышали глухие, блуждающие шаги, раздающиеся с другого конца двора.

— Что это? — прошептала Элиан.

— Похоже, лошадь, — ответил Ален.

Неожиданно она предстала перед ними: черная, с поднятой головой, могущественная и одинокая, стоящая посреди этого цветочного луга. Лошадь задумчиво разглядывала их издали, выдыхая легкий пар. Затем она продолжила свой путь, пошла рысью, и, наконец, ее копыта ритмично застучали по земле. Вскоре она исчезла, лишь стук ее копыт еще долго слышался в наступающей ночи.

— Пора возвращаться, — сказала Элиан.

— Подумайте, — продолжил Ален, — подумайте о де Дерфе, о Мерлене... Мой предок тоже ведь покончил с собой. И вместе с тем он не был сумасшедшим... Вот если бы мы оба жили в те времена...

— Да замолчите же вы, — сказала Элиан.

Они посмотрели на разбитый ими лагерь и поспешно принялись укладывать вещи.

— А эта лошадь, — спросила Элиан, — вероятно, отбилась от своего табуна?

— Вероятно, — вторил ей Ален.

Перевод с французского
Алексея ДРОЗДОВСКОГО.

— Хотите знать мое мнение? — Многократный чемпион страны усмехнулся. — Хорошо. В нашем виде спорта сегодня заправляют дилетанты. С умным видом рассуждают о том, чего не знают. Главное для них — «выбить» очередную командировку за границу. Привести побольше тряпок...

Речь идет о бадминтоне. Его называют маленьким, пляжным, несерьезным видом спорта. Но Международный олимпийский комитет своим недавним решением заставил нас по-новому взглянуть на бадминтон. Через четыре

страны открылись секции, в 1961 году была создана Федерация бадминтона СССР. Но единой, целостной программы развития бадминтона никто не принимал. На него смотрели как на развлечение.

Сегодня, спустя три десятилетия, положение почти не изменилось. Правда, в Госкомспорте СССР появилась ставка гостренера по бадминтону, который к тому же отвечает и за... бейсбол. (Пикантная ситуация заключается в том, что ни в бадминтон, ни в бейсбол гостренер никогда не играл.) В стране

сама команда. Игроки «взбунтовались» еще до начала чемпионата Европы, проходившего в Норвегии, — обвинили тренера в некомпетентности, самоуправстве, разжигании ненужных страстей, в нечистоплотных поступках. Команда отказывалась ехать с ним на чемпионат Европы. Но руководство Управления спортивных игр Госкомспорта СССР все-таки уговорило ребят не горячиться, дав обещание рассмотреть этот вопрос по окончании турнира.

Швачко очень своеобразно руководил сборной. Он мог взять в зарубежную поездку бадминтониста И. Мармера (№ 23 во всеююзной квалификации) и оставить дома чемпионку страны Т. Литвиненко. Почему? Просто Мармер — его любимец, а Литвиненко позволяла себе спорить с тренером. По словам его подопечных (теперь уже бывших), он ездил за рубеж не столько ради накопления тренерского опыта, сколько ради банального накопительства.

После чемпионата Европы президиум Федерации бадминтона СССР отстранил В. Швачко от руководства сборной, но назначить нового старшего тренера пока не решился. До декабря сборной СССР будет руководить триумвират

турнирах принято играть перьевым воланом, а у нас производят только пластиковые.

Высококачественные перьевые воланы и ракетки есть сейчас только у игроков сборной. Обеспечить всех сразу, понятное дело, невозможно. Но что получится? Идет, к примеру, чемпионат страны, где в одном из решающих матчей встречаются игрок сборной и спортсмен, который чуть ниже по классу. Один из них экипирован отлично, другой — средне. Да и играть они будут не пластиковым, а перьевым воланом. В результате еще до матча «сборник» получает явное преимущество. Справедливо ли это?

Госкомспорт СССР вынужден просить, скажем, у Министерства химической промышленности, чтобы оно поручило своим предприятиям выпуск стержней для металлических ракеток. А те отказываются: стержень не считается готовым товаром — производить его невыгодно. Вот почему даже ракетки из металла в стране не хватает.

Ситуация с перьевыми воланами и вовсе смехотворна. Делают их из гусиных перьев. Гусь, как известно, — птица водоплавающая. Но наши птицефермы не учитывают этой его «особенности» и содержат, как курицу, на земле. Поэтому и оперение у гуся такое, что на него даже смотреть больно...

Смешно и грустно. Такое определение можно дать многому, что происходит сейчас в бадминтоне. Весной, к примеру, в Москве состоялся семинар для тренеров. Своего рода курсы повышения квалификации. Представьте себе, тренерам по бадминтону читали десятки разнообразных лекций о... теннисе. Да, внешне он похож на бадминтон. Но это же разные виды спорта! Бадминтону на этом месячном семинаре было посвящено всего четыре часа.

О бадминтоне журналисты пишут настолько мало, что многие люди знают о нем лишь понаслышке. Висит, например, в Минске на Доске почета портрет бадминтониста Анатолия Скрипка. Внизу подпись: «Чемпион Европы». И невдомек прохожим, что на первенстве Европы Скрипка никогда не побеждал, а выигрывал (вместе с командой) лишь тот самый Кубок Гельвеции, где сильнейшие мастера не участвуют. Появись на Доске почета другой портрет, скажем, футболиста с подписью «Чемпион мира», реакция прохожих, уверен, была бы совсем иной. Такой портрет долго не провисел бы...

Наш бадминтон находится сегодня на задворках большого спорта. Если он будет так развиваться и дальше, советские бадминтонисты могут не попасть на Олимпийские игры: не пройдут сквозь сито отбора. Большинство из них пока ездит на международные турниры только в качестве «туристов» — без шансов на успех. На это тратятся немалые средства. А ведь эти деньги — и даже в сотни раз больше — спортсмены могли бы зарабатывать сами. За рубежом проводится множество турниров, призовой фонд которых исчисляется сотнями тысяч долларов. Дело за малым — научиться играть в бадминтон.

Что для этого надо? Наверное, прежде всего поставить дело на научную основу, привлечь грамотных специалистов, обеспечить материально-техническую базу... В общем, пойти по пути, который уже проторен нашим большим теннисом. Ведь еще лет десять назад этот вид спорта у нас был в таком же «затруднительном положении». А сегодня теннис поставил в государственную казну сотни тысяч инвалютных рублей. Значит, можем, если захотим?

Р. С. Редакция надеется, что Госкомспорт СССР не замедлит высказать свое отношение ко всем проблемам, о которых говорится в статье.

КУДА ЛЕТИТ ВОЛАН?

Сергей ДАДЫГИН

года в Барселоне состоится олимпийский дебют этого вида спорта.

По данным журнала «Мировой бадминтон», в нашей стране насчитывается 185 тысяч «рыцарей волана». Однако в журнал попала цифра трехлетней давности. На 1 января 1988 года количество занимающихся резко сократилось — на 105 тысяч человек. Ларчик открывается просто. В годы, когда у нас любили козырять цифрами, когда приписки стали обычным явлением, рапортования не обошла и спорт. Получалось, что Советский Союз занимал первое место в мире по числу бадминтонистов! Но вот незадача: со всех крупнейших международных турниров наши игроки возвращались ни с чем. Награды доставались другим. Среди тридцати сильнейших бадминтонистов мира нет ни одного представителя СССР.

Впрочем, отдельные достижения все-таки были. Два года назад на чемпионате Европы Светлана Белясова вышла в полуфинал. Нынешней весной такого же успеха добился Андрей Антропов. Дважды (1977, 1979 гг.) советские бадминтонисты побеждали в Кубке Гельвеции. Правда, в розыгрыше этого приза — таковы правила — шесть лучших команд Европы не участвуют...

Если вспомнить, что законодателями мод в мировом бадминтоне — страны Азии (Китай, Южная Корея, Индонезия, Малайзия), цена этих успехов окажется еще ниже.

В чем же дело? Мы познакомились с бадминтоном в 1957 году. Тогда в Москве проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов, в программу которого вошли и соревнования по бадминтону. Игра в волан многим понравилась. Появились энтузиасты, в разных городах

выросло около двух десятков мастеров спорта международного класса, многим из которых так и не удалось подтвердить этот класс. Интересно, за какие заслуги наши уважаемые спортсмены удостоены столь высокие звания?

Число профессиональных тренеров по бадминтону перевалило за три сотни. Но назвать большинство из них профессионалами язык не повернется: еще 2—3 года назад в стране не было ни одного учебного заведения, где бы готовили специалистов по бадминтону.

Небольшой шаг вперед сделан. В Баку, Каунасе, Омске и Днепропетровске открыты специализации бадминтона в институтах физкультуры. Однако обучение там ведется кустарно. Нет даже настоящего учебника, о хороших методических пособиях, видеофильмах и говорить не приходится. Энтузиасты стараются, переводят зарубежные книги и статьи о бадминтоне. Но многие наставники, получив такой перевод, не спешат его размножить. Напротив, тщательно прячут его от... своих же учеников. Ведь преподавание новое от себя лично престижно. А если ученик сам во всем разберется, выходит, что и тренер не нужен. Такая «забота об авторитете» приводит к тому, что спортсмен отучается самостоятельно мыслить.

Итак, у нас нет ШКОЛЫ БАДМИНТОНА. Нет продуманной системы подготовки тренерских кадров и игроков высокого класса. Без этого рассчитывать на серьезные успехи в мировом бадминтоне нереально.

А кто тренирует сборную СССР? Какова квалификация наставника? Еще недавно у команды был тренер — Виктор Швачко. История его отставки наделала много шума в мире бадминтона. От услуг старшего тренера отказалась

в составе Н. Пешехонова (Днепропетровск), В. Суворкина (Омск) и Н. Никитина (Москва). За это время каждый, кто мечтает возглавить сборную, должен подать заявку на участие в конкурсе и представить свою программу развития бадминтона в стране. Разумное решение. Право руководить сборной надо доказать — в открытом и честном споре.

Наконец-то Федерация бадминтона СССР смогла заявить о себе в полный голос. Видимо, это и дало повод гостренеру по бадминтону А. Каливуду в беседе со мной сказать:

— В отношениях с Федерацией у нас нет никаких проблем. Работаем в тесном контакте.

А вот член президиума Федерации Б. Глебович утверждает совсем другое:

— С ответственностью, то есть членами Федерации, в Госкомспорте не считаются. Мы часто даже не знаем, кто из спортсменов поедет на международные соревнования. Это решается в узком кругу. Вспоминаю такой случай. Федерация запретила бывшему чемпиону страны из Горького переезд в Минск, куда его переманивал местный тренер. Но запрет наш просто проигнорировали — сделка совершилась.

Вот вам и «тесный контакт».

Одна из проблем бадминтона, причем весьма острая, — нехватка инвентаря. В магазинах деревянные ракетки лежат свободно, но они пригодны лишь для начинающих: бадминтон во дворе и бадминтон на высшем уровне — разные вещи. За рубежом деревянные ракетки уже не выпускают. Ведущие мастера Европы и Азии играют ракетками из пластика, графита, керамики, а наши бадминтонисты в лучшем случае — металлическими. На всех международных

БЕСПОКОЙНЫЕ СЕРДЦА

Валерий СЕРЕГИН,

строитель, Невинномысск

АФГАНИСТАН

И никто не хотел умирать,
И никто не хотел убивать,
Сила силу пыталась сломать,
Смерть смеялась, и плакала мать.

Восемнадцать — не возраст еще.
Вещмешок давит ляжкой плечо.
Впереди, как картинка, — война.
Что там, братцы, ведь пуля глупа.

А потом с маху в землю лицом.
Слезы жгут раскаленным свинцом.
И от ярости муки своей
Сам стреляешь в таких же людей.

Плачут дети, а матери ждут.
Кто-то взрослый играет в войну,
И седеют юнцы от смертей
Вдалеке от своих матерей.

Потому мне о счастье не спеть,
Что мой век для меня словно плетть,
Век мой памятью хлещет меня,
Как нагайкою хлещут коня.

Кто-то в жадности, словно в бреду,
Ну, а кто-то в огне и в дыму;
Где-то меркою рубль и чек,
Ну, а где-то цена — человек.

Марина НИЖЕВЯСОВА,

студентка, Рига

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Мне ветки дерев усыхающих жалко
до слез.
Но страшно, когда подрубают стволы
молодые.
Иду, и мелькают прозрачные крылья
стрекоз,
Ржавеют рябины, и шепчутся ветлы
седые.

Кто шел впереди, не радел о великих
корнях:
Сушил чернозем и срывал золотые
соцветья.
Наверное, думал, что он истребляет
сорняк,
Но он истреблял все, что люди
растили столетья.

Летают стрекозы... Волнуют
минувшие дни...
Сквозь крылья лучи пробиваются,
только не греют.
Мы точно стрекозы порхаем,
а души — бедны...
Без почвы и мысли, и травы, и звуки
хиреют.

По памяти крохам, по втоптаным
в грунт семенам —
Собрать, накопить, сохранить и,
лелея, посеять!
То нужно ушедшим и —
ныне подрубленным, нам,
Как сила земли, что служила опорой
Антею.

Александр БУРНЫШЕВ,

дрессировщик животных, Тула

ОБНОВКА

Светило солнце,
Разгорался день.
В пыли купались

Полусонно куры.
И кепку сдвинув лихо
Набекрень,
Мой дед протез
Строгал себе
С натуры.
А я стоял,
Штанину закатав,
Позировал,
Боясь пошелохнуться:
«Пропустит дед
Какой-нибудь сустав,
А без него
Нога не будет гнуться...»
Но дед мой был
Талантливый мастак!
Не пропустил,
Не оплошал вояка...
Вертел обновку
Он и так, и сяк,
А ночью вдруг,
Как маленький, заплакал.

Семен МАЙДАНИК,

инженер, Бердичев

ВЕСНУШКИ

Мы прощались утром
на вокзале,
Скупое нам
светили фонари.
Сердце
ты не отдала мне, знаю, —
Ну, так горсть веснушек
подари...
Улыбнулась:
— На, возьми, пожалуй!
У меня их
хватит на двоих.
На вокзале вдруг
светлее стало
От веснушек
этих золотых.

Владимир КОСТЕНКО,

учитель, Сальск

БАЛАЛАЕЧКА

Балалаечка,
Голос тоненький,
И возможности так скромны:
На певучем
Резном треугольнике
Всего-навсего три струны.
Так немного!
Но пальцы мастера
Прикоснутся к ним не спеша,
И десятками струн замается,
Защемит,
Запоет душа.
Ничего в тебе модного, нового,
Только слышу: издали
Голос твой,
Простой и взволнованный,
Прорывается сквозь века!

Василий ГОРШЕНИН

художник, с. Марьино,
Краснодарский край

Вот и полянка, ручеек, камыш,
Здесь даже тишь неповторима.
И ты на золото листы глядишь,
На птицу ту, что пролетает мимо.
Неповторимы краски, свет и звук,
Неповторимы пляски ветра.
И сеть свою уже соткал паук
Средь тоненьких ольховых веток.

Татьяна ТИХОМИРОВА,

служащая, Москва

Мы рядом шли.
Ты что-то говорил мне.
Я улыбалась,
Видно, невпопад.
Но мне так нравился
Твой голос, профиль...
Что можно так идти
И ни о чем не думать,
Что много снега,
Вечер и тепло.
И счастье мое рвалось наружу.
Ну, что могла поделать я с собой?

Вадим ВОРОНЦОВ,

доцент МАТИ, Москва

КАК ЭТО — РАНЬШЕ УТРА?

Утро, рожденное в тонких крыльях,
тише пчелы в ожидании дани,
утро
простое, как песня прохлады.
Видели,
видели вы когда-нибудь
орхидеи у водопада?

Валерий КУЗЬМИН,

учитель, Уссурийск

ПОЭЗИЯ

Кому нужна поэзия моя,
Классически рифмованные строфы?
Земля моя, предчувствую и я,
Что мы с тобой — на грани
катастрофы.

Кому нужна красивая игра
В слова, чередования, рефрены?
Избороздили бронекатера
Приморские октавы и катрены.

Кому нужна высокая печать
Стихов в литературной гарнитуре?
И стоит ли сегодня воевать
За честь принадлежать литературе?

Зачем мне эти замки на песке,
Когда весь мир висит на волоске?

Вячеслав АНАНЬЕВ,

рабочий, Московская область

СТРАДА

Там, где ржи монолитные зерна
в час урочный летят в кузова,
начинается хлебушек черный
и рождаются песен слова.

Под крылом августовского неба
разгорается праздник труда,
и во имя грядущего хлеба
будоражит просторы страда.

Бог вам в помощь, отважные люди,
патриоты бескрайних полей!
Это самое трудное чудо —
нескончаемый хлеб на столе.

Это самая светлая песня —
золотистая песня страды,
потому что от века известно:
больше хлеба — и меньше беды.

Окончание. Начало на 22-й стр.

Но интересно, знают ли медицинские начальники, что, по данным СОПа, многие интерпроститутки работают в лечебных учреждениях? Белая Лошадь — медсестра, Утка — санитарка, днем кладет трещки в карман белого халата, ночью — марки и доллары в карманчик домашнего халатика.

Медики советуют вести монашеский образ жизни. Совет хороший, но трудновыполнимый для миллионов одиноких мужчин и женщин. Все они, конечно, как-то устраиваются.

Каждый десятый советский ребенок рождается вне брака, в Латвии — каждый пятый, в сельских районах Эстонии — каждый третий. Если учесть, что по числу абортотворцев от 15 до 17 лет за последние два года выросла в Латвии в 2,5 раза, а гонореей — в 9 раз, становится ясно: общество наше движется отнюдь не в монастырь.

Рад бы оказаться никудашным пророком, но кажется, что сексуальная революция, отшумевшая на Западе, ждет нас где-то за поворотом. Причудливое сочетание разнообразных причин неизбежно приводит к такому выводу.

Пока мы стреляем по ложным мишеням, боремся с «сатанинским» хэви-металлом и робкой эротикой на белых простынях киноэкранов, все больше «видиков» появляется в наших домах. Через несколько лет видеобум станет реальностью. А где «видуха», там зачастую и «порнуха». Лавина видеопорнографии может свалиться на совершенно неподготовленную, пока еще достаточно целомудренную аудиторию, и это — один из компонентов будущего сексуального взрыва. Никакие запреты не помогут. Нельзя запретить авиацию с целью предупреждения авиакатастроф.

Западным странам крупно повезло. Секс-бум и вспышка СПИДа разминувшись во времени. У нас они могут совпасть. Исключить такую возможность — преступная безответственность...

Подполковник Дубовицкий прав: нужна система. Не очередной бездушный бюрократический департамент, а гибкая, эффективная система спасения. Вспомним: в трудные годы Дзержинский смог создать систему борьбы с беспорядочностью и победил. Неужели мы не сможем вырвать бездомную «Вокзал для двоих» из порочного круга, защитить Тяню, направить на путь истинный Муху? Сможем, если создадим принципиально новую общественно-государственную целевую программу, осуществлять которую будут все — МВД, Минздрав, комсомол, Комитет советских женщин, общественные фонды, Красный Крест. — да мало ли у нас организаций, обязанных стоять на страже физического и нравственного здоровья народа! Дело найдется всем — от баптистов до металлистов, от сексопатологов до участковых инспекторов.

И последнее. Нужны деньги. Миллионы, «сэкономленные» сегодня, обернутся миллиардами, которые придется тратить завтра.

Утка вышла из приемника последней. Два часа ночи, моросит мелкий дождь.

Она терпеливо ждала своей очереди, наконец, подписала официальное предостережение («мне, выявленной как лицо, занимающееся проституцией, объявлено предостережение о недопустимости такого образа жизни. Мне разъяснено, что в случае продолжения...») — этот текст она знает наизусть. У нее своя работа, у них своя, злиться нечего, до дома недалеко, дойдет пешком.

Она шлепала по лужам и в своем несуразном белом платье действительно была очень похожа на утку...

ИЗБОРЫ — КТО ОН? СМОЛОТ...

ЮРИЙ КОСОБУКИН

Если вам покажется, что художник киевской «Рабочей газеты» Юрий Кособукин улыбается на этой фотографии, — не верьте глазам своим: он человек сугубо серьезный. И герои его рисунков крайне серьезны. К тому же очень симпатичны. Думается, это потому, что Кособукин окончил авиационный институт. Похоже, бывших авиаторов любят в Японии, Югославии и Италии. Иначе как объяснить то, что именно в этих странах наш автор получил награды за рисунки? С 1976 года Юрий Кособукин заполняет своими карикатурами газеты и журналы. Мы хотели приурочить публикацию в «Смене» к какому-нибудь юбилею художника, а потом решили юбилея не ждать. Не в них счастье.

ЧИТАЙТЕ
В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

О молодой семье,
квадратных метрах
и социальной
справедливости.

Николай Черкашин.
«Реквием по линкору».
История морской
трагедии.

«Дитя с нимбом».
Мнения читателей.

Вспоминая Олимпиаду.
Фоторепортаж.

Рыбаки Таймыра.
Фотоочерк.

Стивен Кинг.
«Баллада
о гибкой пуле».

ПРАЗДНИК БЕССОННИЦЫ

Редакция журнала «Смена» совместно с Центральным телевидением, руководством Дома культуры МЭИ и при участии «Студии Москва» под руководством Сергея Лисовского придумала, кажется, нечто небывалое, а именно: провести 10 декабря ночное празднество «Сон в зимнюю ночь». Как это будет? Карнавал? Обязательно. С призами за небанальность. Говорят, целый телевизор можно будет выиграть, да еще с гарантией, и еще — бесплатное путешествие в летнее время на борту белоснежного лайнера в компании эстрадных звезд. Несколько пар только что зарегистрировавших свой брак молодоженов будут приглашены провести свою «первую брачную ночь» на карнавале.

Само собой разумеется, что будут выступать популярнейшие рок-группы и мастера традиционного музицирования, театральные коллективы и ведущие актеры кинематографа. Для тех, кому не нужно ничего, кроме разговора с приятелем или подругой за чашкой хорошего кофе, будут созданы все условия в «переулках», «на площадях», «скверах» дворца-лабиринта, который выстроит для этой ночи художники и декораторы. Участники карнавалы ночной увидят и кусочек Старого Арбата — сюда придут художники, барды и брейкеры. Здесь развернутся лучшие кооперативы. Через расставленные по всем залам мониторы представители министерств и ведомств, заинтересованные в будущих специалистах из МЭИ и других вузов столицы, расскажут о прелестях предстоящей работы, а также ответят на любые вопросы молодых людей в специально созданных «диспутках».

Словом, праздничная пыль столбом. Конечно, все это потребует приличных затрат. Но деньги уже есть.

Организаторы «Сна в зимнюю ночь» (телефон 273-21-47) не откажутся от услуг того или иного кооператива и государственного предприятия, желающих иметь собственную рекламу.

Кстати, любой читающий эти строки может стать в ряды организаторов праздника. Достаточно взять открытку и написать, кого бы вы хотели увидеть в качестве дорогого гостя или приятно-го собеседника в эту зимнюю ночь. Для тех, кто придумает наиболее оригинальные вопросы своим «гостям», а также предложит что-либо необычное или из ряда вон выходящее в сценарий праздника, организаторы торжественно гарантируют любезное приглашение на карнавал. Будет нелишним сказать: если первый блин не окажется комом, то такого рода праздники при посредничестве журнала «Смена» мыслить проводить ежемесячно.

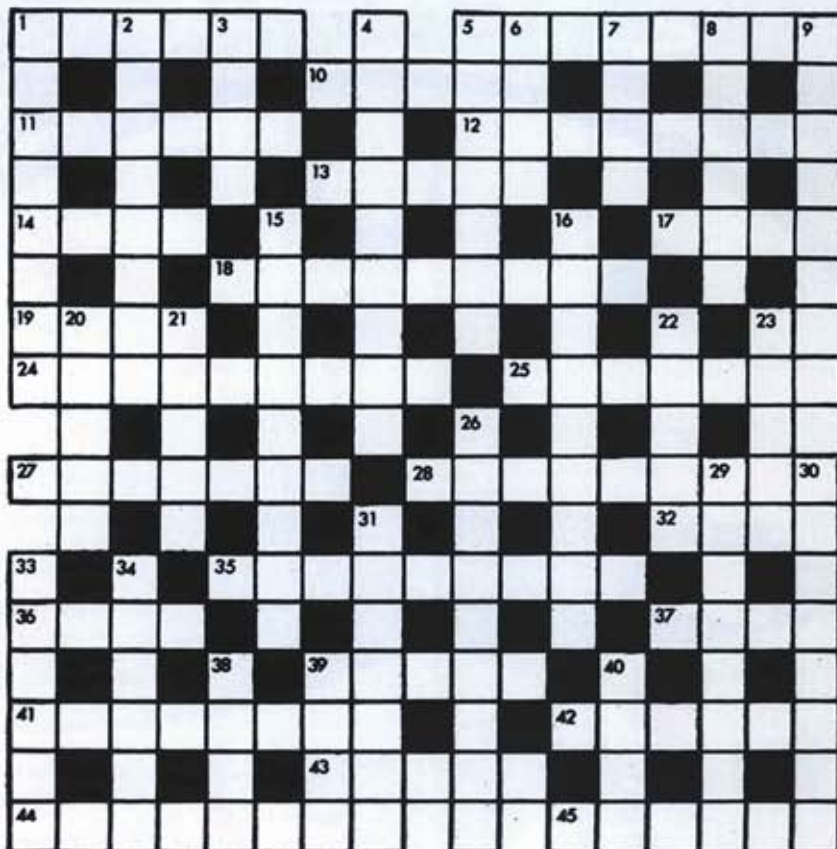
Подумаешь — ночь не поспишь! Зато сколько впечатлений!

ОРГКОМИТЕТ КАРНАВАЛА «СОН В ЗИМНЮЮ НОЧЬ»

Начало карнавала смотрите на четвертой странице обложки.

КРОССВОРД

Составил С. Белов, Москва

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Французская писательница, друг и единомышленник Ж.-П. Сартра. 5. Европейская страна, где звание крестьянина исконно считали почетным, а поступление на службу даже к королю — постыдным. 10. Подводный или подземный снаряд. 11. Цветок, опыляемый ночными бабочками. 12. Фея как помощница Параша в поэме А. Пушкина «Домик в Коломне». 13. Металл, который долгие века не считали металлом. 14. Ума — два гумна да ... без веру (русская пословица). 17. Среднеазиатское название круглого обрыва плато. 18. Герой греческой мифологии, который, развезая по свету на золотой колеснице, засеял землю пшеницей. 19. Рыба. Впервые появилась в Дунае. 24. Советский боксер, олимпийский чемпион. 25. Крупная птица, при взлете так быстро машущая крыльями, что их не видно. 27. Каждый из «героев» самой известной картины И. Шишкина. 28. Наследник германского императора.

32. Бельгийский музыкант, походивший на Антона Рубинштейна не только «львиным» обликом, но и характером исполнительского дарования. 35. Работа с оплатой за продукцию. 36. Знаменитый пират, английский мореплаватель, поэт, драматург, фаворит Елизаветы Первой. 37. «Кильт» — это ... из волокон бутылочной тыквы (Ж. Верн «Пять недель на воздушном шаре»). 39. Антрацит (суть). 41. Итальянский художник, о котором В. Суриков сказал, «что ни одной картины у него нет без своего портрета. Зачем он себя так любил?». 42. Временное напряжение. 43. Имя героинь в нескольких знаменитых произведениях русской литературы. 44. Месяц, в который мексиканский священник Мигель Идальго ударом в колокол в 1810 году возвестил начало освободительной войны против испанских колонизаторов. 45. Один из самых ранних овощей.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Игра привязанным к палочке шариком. 2. Французский мыслитель, автор афоризма: «Люди глупые никогда не поймут умных». 3. Гора в Греции, с которой в начале XVI века в Россию прибыл Максим Грек. 4. Праздный гуляк. 5. Микроклимат в коллективе. 6. Непременная часть ячменного колоса в отличие от пшеничного. 7. Путешествие. 8. Национальность П. Шаликова, поэта и журналиста, издателя журналов «Московский зритель», «Аглия», «Дамский журнал». 9. Остров в Карибском море, открытый Колумбом. 15. Союз испанских городов и крестьянских общин в средние века для самообороны во время войн и защиты своих вольностей. 16. Звание Алеши Ботяна, которому в польском городе Илжа стоит памятник. 20. Символ небесной

красоты. 21. Русское название плода айвы. 22. Место, где бушевали ветры в думе К. Рылева «Смерть Ермака». 23. Другое название лавсонии, из листьев которой получают краситель для женских волос. 26. Ипостась дворникова соседа в стихотворении И. Никитина «Ночлег извозчиков». 29. Полный достаток. 30. Крепость. 31. Философ, чью мысль на самом деле привел Б. Пастернак в четверостишии: «Однажды Гегель ненароком и, вероятно, наугад назвал историка пророком, предсказывающим назад». 33. Главное в откорме скота. 34. Монета, из которой возник польский злотый. 38. Одно из сельхозорудий, упоминаемых в романе Л. Толстого «Анна Каренина». 39. Орнамент. 40. Река, впадающая в озеро Ильмень.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

3. Абель. 8. Геракл. 10. Жерико. 11. Изобата. 12. Гагарин. 14. Ксенон. 16. Денситометр. 17. Шпага. 19. Трава. 22. Факел. 26. Атланта. 27. Юнтунен. 28. Яхонт. 29. Соверен. 30. Инсаров. 31. Сцинк. 34. Паста. 37. Месяц. 40. Контркарп. 41. ...йогурт. 42. Каратэ. 43. Евтерпа. 44. Ниамей. 45. Монгол. 46. Чомга.

По вертикали:

1. Реванш. 2. Засада. 4. Бионика. 5. Луайоте. 6. Триера. 7. Эклога. 9. Лиана. 10. Жакет. 13. Регенератор. 15. Стратосфера. 18. Полевка. 20. Венгрия. 21. Хамса. 22. Фаянс. 23. Кроки. 24. Лютик. 25. Шнява. 32. Царство. 33. Носорог. 34. Против. 35. Скулме. 36. «Антей». 37. Макал. 38. Спринт. 39. Цитрон.

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

СМЕНА '88

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 22 (1476) НОЯБРЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ
(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Художник
Владимир ЗАЙЦЕВ
Технический редактор
Елена ОВЧИННИКОВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического воспитания,
212-23-79 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

*Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.*

© Издательство ЦК КПСС «Правда».
«Смена», 1988 г.

Сдано в набор 05.10.88.
Подписано к печати 18.10.88.
А 11810. Формат 70 × 108/16.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 2 000 000 экз.
Заказ № 3178.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

В гости...

Ха, Ха

Хи, Хи...

НАС
ТЕПЛО
УЮТНО!

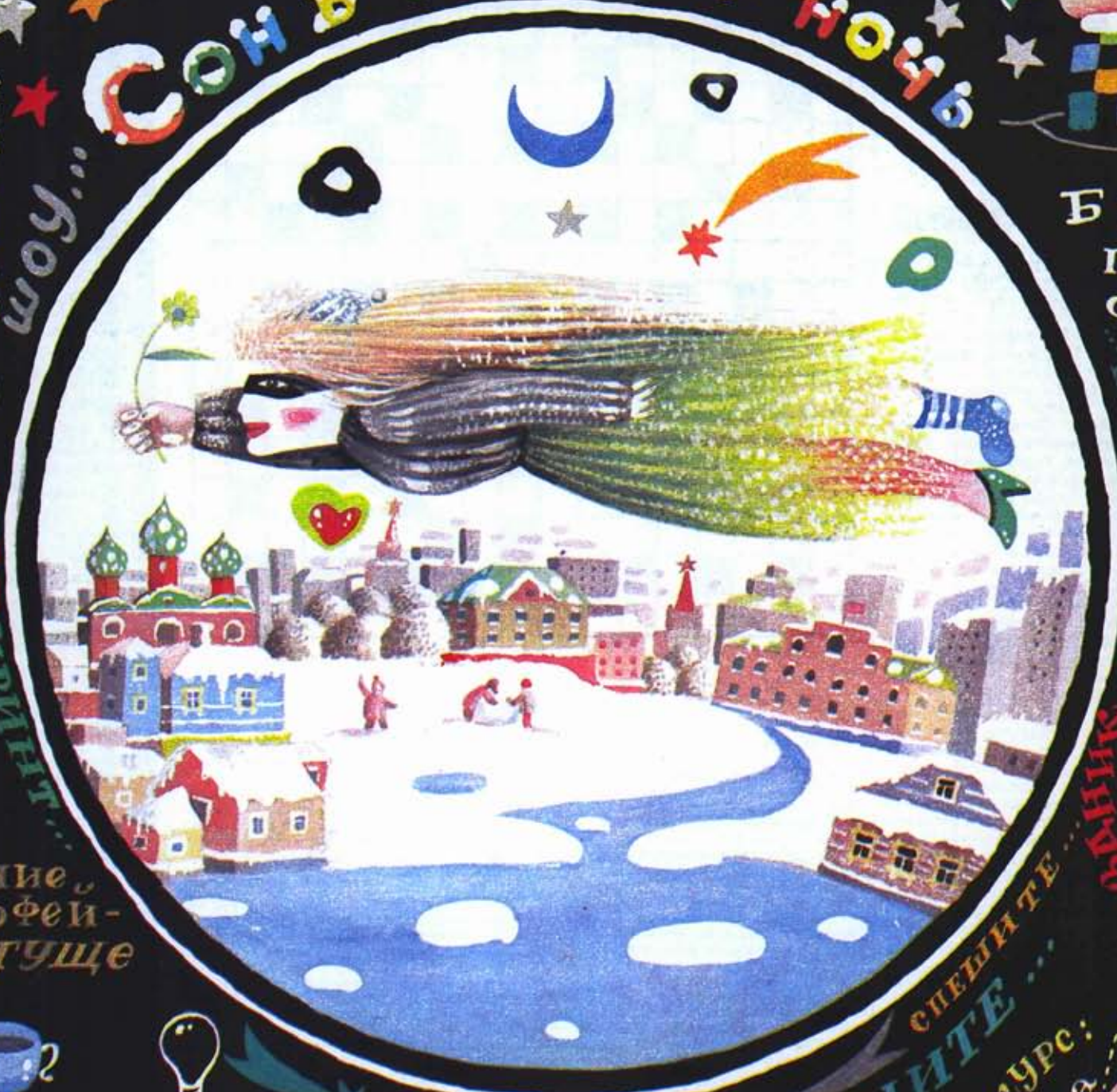
...ЭКВАДУ
ТАНЦА
ВИДВО

СТРАСТИ ~ МОРА
ДА СТИ

Информацию о празднике см. стр. 3

обушок
обушок

СОН В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

БАЛ
ПРИ
СВЕЧАХ

КАРТА
ВСЮ НОЧЬ
ТА ДАНИ

Гадание
на кофей-
ной гуще

КАФЕ:
ОЧЕВИДНОЕ

НЕВЕРОЯТНОЕ

СПЕШИТЕ
СПЕШИТЕ

БАР:
НЕВЕРОЯТНОЕ

Мисс Красавица

спешите
ПРИНЯТЬ
участие

Осетрина 2ой свежести
нарисовал: Олег Турбов